

К-14038

17286733

ВЕСТНИК ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 112

ФИЛОСОФИЯ

Выпуск 10

«ВИЩА ШКОЛА»

МИНИСТЕРСТВО
ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ УССР

195

ВЕСТНИК
ХАРЬКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

№ 112

ФИЛОСОФИЯ

ВЫПУСК 10

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «ВИЩА ШКОЛА»
ИЗДАТЕЛЬСТВО ПРИ ХАРЬКОВСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
Харьков — 1974

1

В этом выпуске помещены статьи, в которых рассматриваются актуальные вопросы марксистско-ленинской философии на современном этапе ее развития.

Вестник рассчитан на научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов гуманитарных вузов.

Редакционная коллегия:

Я. С. Блудов, Ю. Ф. Бухалов (ответственный редактор), А. А. Мамалуй, В. П. Педан, Г. Н. Садовский, Н. В. Тополя

Редакция гуманитарной литературы.
Зав. редакцией Г. И. Шинкаренко.

286735

А. А. МАМАЛУИ

**ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ОСНОВНОЙ ФИЛОСОФСКИЙ ВОПРОС НАУЧНЫМ
ОПРЕДЕЛЕНИЕМ ПРЕДМЕТА ФИЛОСОФИИ?**

Как бы в ходе многолетних дискуссий ни определялся предмет диалектического и исторического материализма, вряд ли кем-либо из последовательных марксистов может оспариваться тезис о том, что диалектический и исторический материализм самым существенным, принципиальным образом отличается от всех остальных до- и немарксистских философских учений диалектико-материалистическим решением основного вопроса философии. Игнорирование или непризнание этого автоматически выводит за пределы марксистско-ленинской философии, ибо диалектико-материалистическое понимание основного философского вопроса — настоящее *differentia specifica* диалектического и исторического материализма, что совершенно ясно выражено в самом названии последнего. Тем не менее это не значит, что ранее не было и сейчас нет недостатка в возражениях против ограничения предмета диалектического и исторического материализма лишь решением основного вопроса философии. Однако никто до сих пор не предложил другого критерия-разграничителя диалектико-исторического материализма, с одной стороны, и специальных естественных и общественных наук, с другой.

Пригодность основного философского вопроса к роли критерия-разграничителя философского и нефилософского знания следует обстоятельно изучить и проверить хотя бы потому, что он ни разу в истории философии не оказывался за бортом последней (хотя попытки добиться этого не являются редкостью).

Но достаточно ли оснований для утверждения, что научное осмысление предмета философии получает адекватное выражение в основном философском вопросе?

Наиболее полный отрицательный ответ на этот вопрос дает Т. И. Ойзерман [4]. Он решительно возражает против распространенного в нашей литературе «представления о совпадении предмета философии (в том числе и предмета философии марксизма) и основного философского вопроса» [4, с. 21].

объявляя его необоснованным, а иногда, как можно понять его, и ошибочным.

Прежде чем рассмотреть доводы Т. И. Ойзермана, установим, против чего, собственно, он возражает: против отождествления предмета марксистской философии с основным вопросом философии или против того, что основной вопрос философии — это концентрированное научное выражение предмета философии? Ведь это совсем не одно и то же. Тот, кто ставит знак равенства между предметом науки (безразлично какой) и ее вопросом (или вопросами), без обиняков подменяет первое вторым, тот допускает неточность, поскольку предмет науки — это реальность, которая, вообще говоря, существует независимо от того, получила ли она соответствующее отражение в науке или нет. В самом деле, хотя предмет философии точно был определен довольно поздно, все же и до этого была проделана большая работа по его исследованию.

В качестве примера критикуемого взгляда Т. И. Ойзерман приводит следующую формулировку А. В. Потемкина: «Указание на тот факт, что вопрос об отношении мышления к бытию и есть великий основной вопрос всей философии, является последовательно научным общим определением предмета философии с момента ее возникновения» [4, с. 9]. Не беря на себя защиту этого высказывания, заметим, что в нем нет отождествления предмета философии с ее основным вопросом, а утверждается, что основной вопрос философии «является последовательно научным определением предмета философии». По-видимому, Т. И. Ойзерман фактически возражает не столько против отождествления предмета философии и ее основного вопроса, сколько против положения о том, что основной вопрос философии служит научным определением предмета философии, т. е. против того, что предметом философии является отношение между духовным и материальным. В этом убеждает и вся его аргументация, к конкретному рассмотрению которой мы и перейдем¹.

Аргумент 1. «Предмет философии, как и всякой науки, следует определять, указывая тот класс объектов, которые она изучает» [4, с. 22]. Этому бесспорному требованию к определению предмета науки вообще, философии в частности, вполне отвечает основной вопрос философии. Именно он указывает на отношение мышления к бытию, духовного к материальному как на тот особый класс отношений, который и составляет предмет философии. Правда, можно подвергнуть сомнению то, что именно это, а не какое-либо иное отношение составляет собственный предмет философии. Видимо, по этой причине вводится следующий аргумент.

¹ Выделение и последовательное расположение аргументов Т. И. Ойзермана осуществлено нами. — А. М.

Аргумент 2. Констатируя, что вопрос об отношении духовного к материальному «формулирует основную философскую дилемму и именно в этом качестве образует основной философский вопрос», Т. И. Ойзерман спрашивает: «Каким образом философия, особенно в наше время, занимается исследованием отношения духовное — материальное? Ведь это отношение в его специфических формах изучается в первую очередь соответствующими естественнонаучными дисциплинами» [4, с. 10]. Действительно, нет ничего пагубнее отрицания возрастающей роли конкретных (не только естественных, но и гуманитарных) наук в решении основного философского вопроса. Все еще углубляющийся процесс дифференциации научного знания, очевидно, уже миновал стадию отмежевания (отпочкования, как часто говорят) от философии и сопровождается в возрастающей степени обратным процессом интеграции, глубоким взаимопроникновением и диалектическим синтезом философского и конкретно-научного познания. Сила марксистской философии, ее доказательность и действенность многократно умножаются тем, что основной философский вопрос, как впрочем и другие вопросы, она разрешает средствами наук. Как правильно писал Т. И. Ойзерман в своей предыдущей книге «Проблемы историко-философской науки», «не существует **чисто** философских вопросов, содержание и решение которых было бы независимо от данных, предоставляемых частными науками» [5, с. 214]. Правильная, конкретная постановка и решение основного вопроса философии прямо зависит от прогресса конкретно-научного познания.

Но это нисколько не отменяет вывода о том, что предмет философии получил научное определение в энгельсовской формулировке основного философского вопроса. Нетрудно показать, что внутреннему содержанию специальных наук одинаково имманентны собственно научный и философский аспекты. Марксистская философия, в противоположность старой философии, да и нынешней буржуазной, не парит ни над науками, ни вне их. Материалистическая диалектика не прикладывается извне к наукам, а функционирует как квинтэссенция истории научного познания и практического преобразования мира, т. е. как логика познания и практики, воплощенная в «специфическую логику специфического предмета». Отношение духовного к материальному, составляющее предмет научной философии, не может не исследоваться научным способом, т. е. науками. Т. И. Ойзерману нет нужды отказываться от совершенно справедливых слов, сказанных им раньше: «Такие вопросы, как отношение духовного к материальному... неизбежно становятся предметом специального научного исследования, оставаясь, вместе с тем важнейшими философскими проблемами, решение которых философией в значительной мере обусловлено достижениями частных наук» [5, с. 214]. Но именно это отношение

духовного к материальному позволяет отграничить философский аспект познания от нефилософского, собственно научного.

Аргумент 3. «По-видимому, отождествление предмета философии с основным философским вопросом (мы уже знаем, что под этим отождествлением Т. И. Ойзерман подразумевает положение о том, что предмет философии приобретает научное определение в основном философском вопросе. — А. М.) связано с крайне расширительным толкованием содержания этого вопроса. Такое толкование неправомерно, так как оно лишает основной философский вопрос того места, которое он по праву занимает, четко формулируя определенную дилемму» [4, с. 22]. В чем же видит Т. И. Ойзерман «крайне расширительное толкование» основного философского вопроса?: «Не следует... смешивать основной философский вопрос со всей проблематикой объективно существующего отношения духовное—материальное, исследованием многообразных форм которого занимается ряд частных наук» [4, с. 22].

Итак, расширительным толкованием основного вопроса философии называется понимание его как отношения духовного к материальному во всем объеме. Основанием для такой оценки служит рассмотренный выше тезис о том, что специфические формы отношения «духовное-материальное» исследуются специальными науками. В результате основным вопросом философии оказывается не многообразное отношение духовного к материальному, а лишь дилемма духовного и материального: «Основной философский вопрос есть вопрос о приоритете одной из сторон внутри отношения духовное-материальное. Классическая формулировка основного философского вопроса, данная Энгельсом, говорит лишь «о том, что является первичным: дух или природа?» [4, с. 22—23]. Что касается причастности специальных наук к истолкованию взаимосвязи духовного и материального, то она, как уже было сказано, не может быть причиной для «отвода» основному вопросу философии как критерию-разграничителю философского и нефилософского знания. Что же касается объема основного вопроса философии, то апелляция к авторитету Ф. Энгельса не может подкрепить позицию Т. И. Ойзермана. Классическая формулировка Ф. Энгельса отнюдь не говорит «лишь о том, что является первичным: дух или природа?». По Ф. Энгельсу, «великий основной вопрос всей, в особенности новейшей философии есть вопрос об отношении мышления к бытию» [1, с. 282].

Замечание о расширительном толковании основного вопроса философии может иметь смысл лишь тогда, когда ясно очерчен объем того в отношении духовного к материальному, что включается в этот вопрос, и, следовательно, четко указано, что в этом отношении выходит за пределы основного философского вопроса. Можно согласиться с Т. И. Ойзерманом, что «для правильного понимания смысла и значения основного философско-

го вопроса необходимо исследование его действительного объема» [4, с. 10]. Но ограничение основного вопроса философии лишь выяснением противоположности (что первично, что вторично) природы или духа совершенно неприемлемо (да и сам Т. И. Ойзерман, как свидетельствует содержание его работы, не сводит основной философский вопрос только к его первой стороне). Какого-нибудь иного ограничения отношения духовного к материальному, которое бы проявило границы философского и нефилософского его рассмотрения, Т. И. Ойзерман не предлагает. Напротив, основной вопрос философии фактически рассматривается им во всем объеме отношения духовного и материального без каких-либо ограничений.

Аргумент 4. «Выражение «основной вопрос философии» указывает на то, что имеются и другие философские вопросы, которые, очевидно, так же конституируют предмет философии» [4, с. 11]. Против этого возразить нечего. Но собственно трудной проблемой является то, «можно ли считать их лишь производными от основного философского вопроса?» [4, 11]. Как и Т. И. Ойзерман, мы считаем, что «это подлежит специальному исследованию». Но, в отличие от него, мы не стали бы производность совокупности философских проблем от основного вопроса философии толковать в том духе, что первые «дедупцируются из того или иного решения второго». Нам не понятно, почему проблема единства мира (берем пример Т. И. Ойзермана) не может считаться конкретизацией основного вопроса философии. Правда, в истории философии (особенно в ее первоначальный период) эти вопросы могли и не совпадать, но в марксизме диалектико-материалистическое решение основного философского вопроса и есть ответом на вопрос, в чем заключается единство мира. В общей формулировке основного вопроса философии имплицитно содержится и проблема единства мира.

Не может служить доводом против того, что все остальные философские вопросы производны от основного, также ссылка на проблему человека. Пора бы уже дать четкий ответ, что подразумевается под этой проблемой. Не окажется ли, что никакой особой (одной) проблемы человека нет, а есть проблемы человека, изучаемые и решаемые всей системой общественных (и не только общественных) наук, а также (со своей стороны) философией. Может быть, тогда бы стало ясно, что марксистско-ленинская философия решает проблему человека не иначе, как на путях диалектико-материалистического истолкования основного вопроса философии во всем многообразии его аспектов.

Особо необходимо исследовать отношение основного вопроса философии и вопроса о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления. Можно ли принять такое положение Т. И. Ойзермана: «Учение о наиболее общих законах

развития природы, общества и мышления несводимо к материалистическому решению основного философского вопроса, хотя оно и исходит из него» [4, с. 22] или еще более категоричное: «материалистическое решение основного вопроса философии теоретически предопределяет соответствующее понимание наиболее общих законов развития. Но отождествлять то и другое — значит допускать грубую ошибку» [4, с. 24]? Понимая, что это отношение является предметом специального анализа, мы тем не менее не можем не указать в этой связи на совпадение в марксизме материалистической диалектики и диалектически-исторического материализма. Марксистское решение основного вопроса философии одновременно и материалистическое, и диалектическое. Точнее говоря, до конца последовательное материалистическое решение основного философского вопроса и есть его диалектическое решение. Законы развивающегося единства противоположностей (природного и социального) бытия и общественного сознания — это ничто иное, как наиболее общие законы развития природы, общества и человеческого мышления. Диалектико-материалистическое решение основного философского вопроса об отношении (изменяющемся и развивающемся) бытия и мышления и означает проникновение в наиболее общие законы развития природы, общества и человеческого мышления. Диалектика и материализм в марксистско-ленинской философии совпадают.

Едва ли что-нибудь меняет и такое суждение Т. И. Ойзермана: «Гносеология диалектического материализма также не может быть сведена к своей необходимой отправной посылке: материалистическому решению второй стороны основного философского вопроса» [4, с. 22]. Здесь нет ясности, почему необходимой отправной посылкой гносеологии диалектического материализма называется материалистическое решение лишь второй стороны основного вопроса философии. Разве нам не известны многократные указания В. И. Ленина (в том числе в трех важных гносеологических выводах), что материалистическую и идеалистическую гносеологию разделяет вопрос об источнике познания, т. е. об объективной реальности, материи? [2, с. 102, 258, 274]. Недаром же определение материи В. И. Ленин называет гносеологическим. Т. И. Ойзерман не выдвинул ни одного мотива в пользу основательно раскритикованной в свое время и отвергнутой квалификации первой стороны основного вопроса философии как онтологической, а второй — как гносеологической, и тем не менее безоговорочно восстановил ее. Это тем более вызывает вопросы, так как автор приводит (но никаких выводов для своей оценки сторон основного философского вопроса не делает) известные высказывания В. И. Ленина, которые прямо объявляют основной вопрос философии, в том числе его первую сторону, а не только вторую, основным гносеологическим вопросом [4, с. 65, 66].

Аргумент 5. «Отождествление этого (основного философского — А. М.) вопроса с предметом философии столь же несостоятельно, как и попытки расширить ленинское философское определение материи, громадное эвристическое значение которого состоит, в частности, в том, что оно исключает из философской дефиниции материи все ее признаки, кроме одного... ее противоположность сознанию и обусловленность сознания материей» [4, с. 23]. Как недопустимо расширительное определение материи, так недостаточно и сужение его лишь решением первой стороны основного вопроса философии. В советской философской литературе утвердилась позиция, согласно которой ленинское определение материи дано посредством диалектико-материалистического решения обеих сторон основного философского вопроса.

Т. И. Ойзерман правильно настаивает на необходимости «оптимального ограничения содержания дефиниции» [4, с. 23]. Однако не в этом ли плане даются предложения оптимально ограничить научную дефиницию предмета философии ее основным вопросом? Ошибочность расширения философского определения материи за счет включения в него ее физических, химических и др. специфических признаков еще раз оттеняет важность четкого (но не чрезмерного) разграничения философского и нефилософского аспектов познания, но не ограничения основного вопроса философии его первой стороной. Если несостоятельны попытки расширить ленинское определение материи, а их суть — в нарушении, выходе за границы основного философского вопроса, то отсюда логично сделать вывод о неправомочности расширения предмета философии за пределы того отношения, которое выражено основным философским вопросом, а не о невозможности научно выразить предмет философии через ее основной вопрос.

Аргумент 6. «В философии, как и во всякой науке, исследователь имеет дело с проблемами. Что же касается решенных вопросов, то они находят законное место в учебниках» [4, с. 21]. «Вопрос об отношении сознания к бытию, духовного к материальному..., строго говоря, давно уже не составляет проблемы, если, конечно, называть проблемами нерешенные, подлежащие исследованию вопросы» [4, с. 20]. «Конечно, и разрешенная философская проблема в силу присущего ей мировоззренческого значения не сдается в архив» [4, 21].

Здесь можно думать, что перед нами тот главный аргумент, который цементирует все остальные в определенную концепцию основного вопроса философии. Но следует признаться, такой довод озадачивает. Если основной вопрос философии в самом деле больше уже не является проблемой и в дальнейшем не подлежит исследованию (разве, что только в историко-философском плане), то не означает ли это, что философская наука, наглухо закрыв свою основную проблему, превратилась в абсо-

лютное знание, роль которого — быть раз и навсегда принятой «аксиомой всего материализма», «твердо установленной научной посылкой» для исследования и решения остающихся неосновных философских проблем. В этом случае развивающейся науке предстоит только «обогащать материалистическое решение основного философского вопроса», «а попытки идеалистов дискредитировать материалистическое основоположение вызывают необходимость вновь и вновь, опираясь на всю совокупность науки и практики, разъяснять его содержание и значение» [4, с. 21].

По-нашему убеждению, вряд ли можно признать диалектичной столь альтернативную постановку вопроса: является ли основной вопрос философии «подлежащей исследованию проблемой (и притом основной проблемой)» или «твердо установленной научной посылкой, имеющей значение принципа в познании всего того, что составляет предмет философии»? [4, с. 11]. Диалектико-материалистическое решение основного философского вопроса в качестве «твердо установленной научной посылки» выполняет методологическую функцию по отношению к развивающимся познанию и практике. В то же время именно в силу непрекращающегося развития природы, общества и человеческого познания основной вопрос философии вновь и вновь воспроизводится как подлежащая исследованию научная проблема, решение которой не есть простой перенос и повторение прежнего знания, а необходимо предполагает как реорганизацию уже достигнутого знания, так и научный поиск и открытие. Разумеется, при этом научный и в целом общественный прогресс не колеблет прочности и даже незыблемости общего приоритета материального и производности духовного и только в таком смысле «не может быть основанием для пересмотра материалистического решения основного философского вопроса» [4, с. 21]. Однако не только можно, но и нужно ожидать от науки и практики настоящего и будущего постановки новых, ранее не ведомых, аспектов основного философского вопроса об отношении духовного и материального, их обстоятельного исследования, как важнейшей научной проблемы и оперативного решения средствами диалектико-материалистической методологии.

Прочность и незыблемость материалистического основоположения заключается вовсе не в том, что оно неизменно. Как раз наоборот. Диалектический подход к решению основного философского вопроса позволил Ф. Энгельсу сделать фундаментальный вывод, к которому целиком присоединился В. И. Ленин: «С каждым составляющим эпоху открытием даже в естественно-исторической области (здесь В. И. Ленин делает примечание: «не говоря уже об истории человечества» [2, с. 265]. — А. М.) материализм неизбежно должен изменять свою форму. А с тех пор, как и истории было дано материалистическое объяснение, здесь также открывается новый путь для развития ма-

териализма» [1, с. 286]. Нельзя себе представить развитие философского материализма без развития материалистического (и диалектического) решения основного вопроса философии. «Пересмотр» материалистического решения основного философского вопроса, вызванный потребностями общественно-исторической практики и научными открытиями, не только не представляет собой ничего предосудительного, но и прямо предполагается материалистической диалектикой. Развитие философского материализма не может не сопровождаться «пересмотром» его формы, в первую очередь, формы решения основного вопроса философии. И это «не только не заключает в себе ничего «ревизионистского» в установившемся смысле слова, а, напротив, необходимо требуется марксизмом» [2, с. 265—266]. Принципиально важно здесь ни на йоту не «изменять сути материализма под видом критики формы его» [2, с. 266]. Изменение формы материализма неизбежно сопровождается изменением формы материалистического решения основного философского вопроса. Вот почему двусмысленным и не во всем оправданным является такое утверждение Т. И. Ойзермана: «Превращать его (основной вопрос философии. — А. М.) снова в проблему — значит тянуть философию назад» [4, с. 21].

Отрицать основной философский вопрос как подлежащую актуальному исследованию проблему — значит игнорировать его специфику как особой, по самой сути своей неустранимой, в известном смысле слова вечной проблемы. Принципиальное решение основного вопроса философии марксизмом отнюдь не равносильно его «окончательному», абсолютному, в последней инстанции истинному на все времена и случаи решению. Оно действительно абсолютно, по крайней мере, потому, что открывает путь, метод и средства его дальнейшего научного исследования и решения в соответствии с достигнутым уровнем познания и практики. Вместе с тем диалектико-материалистический подход к основной проблеме философии оставляет ее открытой для дальнейшего исследования и развития в связи с научно-техническим, культурным и в целом общественно-историческим прогрессом. Основной вопрос философии — это вечно открытая проблема, ибо она трактует о беспредельно развивающемся отношении духовного и материального, это безграничная проблема; разрешение одного из звеньев которой есть введение нового, а решение этого второго есть выдвижение третьего и так без конца, пока существует человеческое сознание и человеческая история.

Более того. Основной философский вопрос — это поистине проблема всех проблем. Это — концентрат, сгусток, итог, резюме, квинтэссенция всех подлинно научных проблем. Он служит всеобщей гносеологической формой научного поиска, поскольку в любой проблеме неизбежно присутствует момент перехода от знания к незнанию, от познанного к непознанному, от ос-

военного к неосвоенному. Какую бы научную проблему мы ни взяли, она так или иначе обязательно содержит в более или менее частном, точнее, конкретном виде отношение знания к предмету знания, духовного к материальному, субъективного к объективному. Иначе перед нами нет проблемы. В определенном смысле можно сказать, что нет такой научной проблемы, которая бы не была частным, конкретным случаем основного философского вопроса. Как общее не существует вне или рядом с особенным и отдельным, так и основной вопрос философии имеет формами своего бытия научные проблемы. Вне научных проблем основной вопрос философии — безжизненная абстракция. Вот почему диалектико-материалистическое решение основного вопроса философии не может не изменяться и не обогащаться с каждым открытием в области общественных и естественных наук, не может существенно не развиваться с каждым эпохальным открытием человеческого гения и вступлением человечества в новую фазу прогрессивного развития.

Сказанное выше помогает оценить и последний аргумент Т. И. Ойзермана.

Аргумент 7. «Если предмет философии и основной философский вопрос — одно и то же, значит, предмет философии исторически не изменялся, несмотря на коренные социально-экономические перемены и великие научные открытия... Отождествление предмета философии с основным философским вопросом несовместимо с признанием развития философии, изменения ее проблематики. Это отождествление затушевывает качественное отличие философии марксизма от предшествующей философии» [4, с. 23—24].

Было бы опрометчивым отмахиваться от этого довода, но и принять его полностью нельзя. Классическое определение основного вопроса философии Ф. Энгельсом — результат огромной силы обобщения историко-философского процесса. Его отличительная особенность — универсальность. Это — основной вопрос всей и всякой философии. Но было бы удивительным (и в этом Т. И. Ойзерман прав), если бы на протяжении всей истории философии ее основной вопрос оставался совершенно неизменным. Нет, на различных этапах и в разных школах он приобретал различные, более конкретные, специфические формы. (На это указал сам Ф. Энгельс вслед за определением — «великого основного вопроса всей, в особенности новейшей философии»). Это также служит веским основанием, чтобы говорить о развитии основного философского вопроса (что, кстати, вопреки своей позиции, и делает Т. И. Ойзерман).

Наличие в философии относительно постоянной, непреходящей проблематики, в особенности ее основного вопроса, часто порождало разговоры о «скандале в философии», якобы заключающемся в повторении одних и тех же «вечных» вопросов и, следовательно, в топтании на месте. При этом упускалось из

виду, что в различные времена и в разных учениях эти, только внешне неизменные, вопросы наполнялись совершенно различным содержанием, обогащавшим и развивавшим философскую проблематику, «подобно тому, как одно и то же нравственное изречение в устах юноши, хотя бы он понимал его совершенно правильно, лишено того значения и объема, которое оно имеет для ума умудренного жизнью зрелого мужа, выражающего в нем всю силу присущего ему содержания» [3, с. 112].

Не ставя перед собой задачу показать, как видоизменялась форма основного философского вопроса в домарксистский период (необходимость специального исследования такого рода ощущается довольно остро)¹, зададимся лишь вопросом, достаточно ли адекватно универсальная формулировка основного вопроса философии передает специфику его марксистской постановки? Большинство современных марксистских авторов (как, впрочем, и их предшественников) прямо идентифицируют марксистскую и универсальную постановку основного вопроса философии. Но ведь подобная идентификация действительно означает, что марксистская революция в философии не внесла изменений в постановку и формулировку ее основного вопроса. Уже одно это не может не насторожить и вызвать сомнение в правильности такого отождествления. В таком свете представляется более перспективной позиция И. Д. Панцхавы и В. Я. Пахомова, которые считают, что «в марксизме основной вопрос философии сформулирован в новом аспекте. Сохраняя то принципиальное, что присуще всем формулировкам основного вопроса философии,... основоположники марксизма фактически дали формулировку этого вопроса, отличающуюся от традиционной, хотя это обстоятельство и не было в явной форме подчеркнуто ими» [6, с. 9—10]. «Абстрактная постановка вопроса о материи вообще и сознании вообще, будучи правильной и необходимой в качестве первого шага, оказывается недостаточной для последующих шагов» [6, с. 10]. В марксизме основной вопрос философии был поставлен по-новому.

Вместе с тем И. Д. Панцхава и В. Я. Пахомов не дают однозначной формулировки основного вопроса марксистской философии: в одном случае они определяют его как вопрос о взаимоотношении общественного сознания и общественного бытия [6, с. 19]. в другом — как вопрос о соотношении свободы и необходимости [6, с. 12]. Понятно, что эти две формулировки близки, но не совпадают друг с другом.

Менее всего было бы полезным сейчас затеять спор о том, какая именно формулировка: об отношении сознания и материи, или общественного сознания и общественного бытия, или свободы и необходимости и т. д., адекватнее всего отражает специфически марксистский подход к основному вопросу фило-

¹ Интересна в этом отношении статья В. И. Шинкарука [7].

софии. Какую бы отдельную формулировку основного философского вопроса мы ни взяли в качестве специфически марксистской, она сама по себе не сможет передать все богатство заключенного в этой поистине проблеме проблем смысла. Ведь в марксизме она берется как сложная система проблем, друг друга обуславливающих и друг из друга вытекающих. Поэтому тщетны попытки дать всеохватывающую формулировку основного вопроса марксистской философии в одной дефиниции. Но, пожалуй, нет ничего более актуального и необходимого для дальнейшего совершенствования всего философского арсенала марксизма-ленинизма, чем построение системы основного вопроса философии в качестве последовательно разветвляющейся свое содержание разветвленной цепи проблем, в которой разрешение каждой из предыдущих служило бы основанием для постановки каждой из последующих (разумеется, в тесной связи с общественно-исторической практикой, но это предписано самой марксистской постановкой основного философского вопроса). На этом пути первая из многочисленных принципиальных трудностей видится уже не в том, чтобы выбрать однозначную, для всех случаев пригодную, исчерпывающую формулировку основного вопроса философии. Эта трудность, как можно понять, смыкается с трудностью отыскания исходных теоретических абстракций в системе принципов, законов и категорий материалистической диалектики — задачей, на решение которой уже затрачено много усилий исследователей-марксистов, но которая, по-видимому, еще не нашла своего общепринятого решения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. и Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. Соч., т. 21, с. 269—317.
2. Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. Полн. собр. соч., т. 18, 525 с.
3. Гегель. Наука логики, т. 1. М., «Мысль», 1970, 501 с.
4. Ойзерман Т. И. Главные философские направления. М., «Мысль», 1971, 383 с.
5. Ойзерман Т. И. Проблемы историко-философской науки. М., «Мысль», 1969, 398 с.
6. Панцхава И. Д., Пахомов В. Я. Диалектический материализм в свете современной науки, М., «Мысль», 1971, 262 с.
7. Шинкарук В. И. Историко-философский процесс и структура предмета марксистско-ленинской философии. — В сб. «Ленинизм и современные проблемы историко-философской науки». М., «Наука», 1970, с. 122—128.

В. А. КОВАЛЕВА

ОБ ОТНОШЕНИИ ДИАЛЕКТИКИ И МЕТАФИЗИКИ К ОСНОВНОМУ ВОПРОСУ ФИЛОСОФИИ

В философии марксизма, где реализуется совпадение диалектики, теории познания и логики, все категории образуют органическое единство материализма и диалектики, выступают

как определенное истолкование реального мира, способ получения нового знания, орудие преобразования действительности.

С этих позиций представляется не оправданной утвердившаяся в нашей литературе тенденция обособленного рассмотрения основного вопроса философии и двух концепций развития, из чего нередко складывается впечатление о наличии якобы двух самостоятельных важнейших проблем, основных вопросов философии. При таком изложении материализм как философская теория явно или неявно противопоставляется диалектике как методу, что искажает действительный характер взаимосвязи теории и метода в философии вообще, сущность марксистской философии в особенности.

Исследование проблемы о связи (отношении) диалектики и метафизики с основным вопросом философии вызвано потребностями дальнейшей теоретической разработки методологических принципов философской науки и ее истории, задачами борьбы против современного идеализма, в частности позитивизма. Указания на этот счет содержатся в работах П. В. Копнина [7, с. 115; 8, с. 15—16], Т. И. Ойзермана [11, с. 13, 185, 186, 187], О. М. Бакурадзе [4, с. 52—53] и др. Следует отметить прямую постановку данной проблемы Ю. Ф. Бухаловым [6, с. 3—4; 10]. Однако в целом проблема об отношении диалектики и метафизики к исходной философской противоположности бытия и мышления пока не получила в литературе достаточного обоснования и специального рассмотрения.

При анализе указанной проблемы следует исходить из наивысшего достижения философской мысли — диалектического и исторического материализма, поскольку в нем существенные тенденции истории развития философии получают зрелую форму. Диалектико-материалистическое решение основного вопроса философии и научная постановка его марксизмом представляют собой итог закономерного движения философского знания, исторического процесса формирования научной философии. Исходное положение материализма — признание внешнего мира и отражение его в человеческом сознании — получает в философии марксизма одновременно материалистическое и диалектическое толкование. Последовательно материалистическое решение основного вопроса философии и есть его диалектическое решение. В марксистской философии материализм в равной мере является научным методом, как диалектика — научной теорией.

В. И. Ленин характеризовал философию марксизма как «заключенный философский материализм» и считал последний великим орудием познания [3, т. 23, с. 44; т. 18, с. 350]. «Единственно материалистическим, а следовательно, научным» называл К. Маркс в «Капитале» метод, позволяющий «из данных отношений реальной жизни вывести соответствующие им» формы сознания [1, т. 23, с. 383]. «Диалектика, — отмечал Ф. Энгельс, —

и есть не более как наука о всеобщих законах движения и развития природы, человеческого общества и мышления» [1, т. 20, с. 145].

Философия марксизма представляет собой единое стройное мировоззрение, научный метод, в котором основной вопрос философии подчиняет и обуславливает содержание и способ решения всех входящих в нее проблем, тогда как до- и немарксистские философские системы отличаются внутренней противоречивостью, разнородностью включенных в их содержание элементов.

Материалистическое решение основного вопроса философии служит лишь исходной гносеологической предпосылкой научной системы миропонимания, но она реализуется только при следующих определенных условиях: достаточно высоком общем уровне научно-теоретического мышления и социальной практики, осознании задач и потребностей общественного развития с точки зрения последовательно революционного класса — пролетариата.

Поворот к научной философии обусловлен включением в сферу теоретического анализа общественно-исторической практики человечества, открытием материалистического понимания истории, которое составило сущность революционного переворота, совершенного марксизмом в философии. Материалистическое понимание истории было не только необходимым условием философской революции, но и той конкретно-исторической формой материализма, в рамках и на основе которой могло произойти критическое преодоление прежней философии (снятие идеализма и «непоследовательностей» метафизического материализма, переосмысление старой философской проблематики и постановка новых теоретических проблем).

Камнем преткновения философии до Маркса было господство идеалистических воззрений на историю. Философия исчерпала возможности позитивного развития своего содержания в форме антропологического материализма. Л. Фейербаха и абсолютного объективного идеализма Гегеля. Внутренняя логика закономерного развития подводила философию к анализу предметной материальной деятельности общества (и человека). В этом отношении классическая немецкая философия является непосредственной предшественницей философии марксизма. Диалектическое понимание познавательного процесса позволило Гегелю вплотную подойти к реальной основе разрешения противоречия объекта и субъекта, материального и идеального, бытия и мышления. К. Маркс ставил в заслугу Гегелю попытку понять становление человека как результат его собственной деятельности [2, с. 627], но при этом подчеркивал, что идеализм, конечно, не знает действительной материальной, чувственной деятельности как таковой [1, т. 3, с. 1], труда как основы и ее особого вида.

Обоснование диалектики как научной теории познания и научного метода мышления было невозможно не только в рамках идеализма, подменяющего имманентную диалектику предмета диалектикой развития знания о нем, но и старого материализма.

К. Маркс высоко ценил Л. Фейербаха, особо отмечая его положения, в которых содержалась попытка выйти за пределы ограниченности старого материализма, определяя их как «способные к развитию зародыши» [1, т. 3, с. 42]. Однако дальше развивать материализм было принципиально невозможно, не переходя на позиции материалистического понимания истории. В неумении обосновать отношение субъекта и объекта с позиций «человеческой, чувственной деятельности, практики» видел К. Маркс главный недостаток всего предшествующего материализма, включая феербаховский [1, т. 3, с. 1].

Домарксовский материализм, решая основной гносеологический вопрос в духе первичности материи и вторичности сознания, вскрыл отражательный аспект мышления. Однако метафизическое понимание взаимоотношения субъекта и объекта познания, фиксирование главным образом воздействия объекта на субъект исключало из материалистического рассмотрения активность субъекта, приводило к идеалистическим выводам в гносеологии и к безраздельному господству идеализма в воззрениях на общество и его историю. Основную беду метафизического материализма В. И. Ленин связывал с неумением применить диалектику к процессу и развитию познания [3, т. 29, с. 321—322]. Именно в силу своего материализма, а не вопреки ему материалисты до Маркса скатывались к идеализму, пытаясь объяснить общественные явления.

Последовательно развитый материализм есть исторический и одновременно диалектический материализм. Именно в форме исторического материализма осуществляется единство материализма и диалектики; вопрос об отношении мышления к бытию получает материалистическое и одновременно диалектическое решение, основа которого состоит в признании общественного сознания отражением общественного бытия.

На научно-теоретической базе, созданной марксизмом, новую постановку, вполне адекватно отражающую его сущность, получает и основной вопрос философии. Последний обосновывается марксизмом как исходное гносеологическое отношение, диалектическое противоречие (с массой оттенков, подходов, аспектов, сторон) материи и сознания, материального и идеального, объективного и субъективного — как вопрос об отношении общественного бытия и общественного сознания. В диалектическом и историческом материализме получает разрешение «тайна» несводимых крайностей (антиномий) материалистической и идеалистической, диалектической и метафизической противоположности старых философских систем.

Авторы историко-философских исследований часто отмечают трудность установления общего для всех исторических форм смысла понятий «диалектика» и «метафизика». Анализируя историко-философский материал, Т. И. Ойзерман указывает, что противоположность между метафизическими и антиметафизическими учениями не совпадает с противоположностью материализма и идеализма [11, с. 187]. К аналогичным выводам приходит и В. В. Соколов [13, с. 267—269]. Т. И. Ойзерман, обращая внимание на сложность анализа таких направлений, как эмпиризм, антропологизм и др., которые могут быть как материалистическими, так и идеалистическими, ставит, с нашей точки зрения, очень важный в методологическом отношении вопрос о связи противоположности диалектики и метафизики с тем или иным решением основного вопроса философии [11, с. 13].

Рамки отношения мышления к бытию В. И. Ленин считал не только необходимыми, но и достаточными для размежевания диалектического материализма, с одной стороны, и всех разновидностей идеализма, агностицизма и метафизики, с другой; великую заслугу, гениальность К. Маркса и Ф. Энгельса В. И. Ленин видел в обосновании и развитии ими одного основного направления философии — материализма [3, т. 18, с. 356 — 357, 358, 379 и др.]. Противоположность мышления бытию классики марксизма всесторонне характеризовали в качестве «исконно гносеологического», основного вопроса всей философии, всех ее исторических форм и видов, основного критерия разграничения «коренных гносеологических направлений» в философии: материализма и идеализма [1, т. 21, с. 282—283; 3, т. 18, с. 35, 39, 81, 150, 253, 357 и др.].

Историко-философский анализ действительно не позволяет дать универсальных дефиниций терминов «диалектика» и «метафизика». Но из этого вовсе не следует, что нельзя установить общего для всех исторических форм имманентно присущего им содержания и роли, выявить необходимые тенденции развития. Диалектика и метафизика имеют прежде всего гносеологическое содержание (и значение).

Генезис диалектики и метафизики обусловлен выявлением философией собственно гносеологической проблематики, когда сама человеческая мысль становится объектом познания. Метод выявляется в познавательном процессе, когда мышление обращается к познанию самого себя, и является выражением того, каким способом осуществляется процесс познания, постигается объективная истина.

Относительно времени этого процесса в литературе нет одного мнения.¹ Однако несомненным является тот факт, что

¹ П. В. Копнин считает, что уже гераклитовское толкование «логоса» лежит в основе диалектики как метода мышления [9, с. 18]; В. В. Соколов связывает этот вопрос с именем Парменида, Зенона [13, с. 250]; Ю. М. Бородай замечает, «что еще Платон не знает гносеологии» [5, с. 13].

у истоков основного вопроса философии и проблем диалектики и метафизики лежит единый процесс, связанный с теоретическим выделением человека из природы, с противопоставлением себя ей уже не только практически, но и теоретически, в сознании.

Решающая роль в развитии античного смысла понятия «диалектика» принадлежит Платону, который рассматривал ее не только как средство установления истины путем собеседования, но и связывал с обобщающей деятельностью человеческого ума [12, с. 185], а также с основными положениями развитого им учения о подлинном бытии особых вневещественно постигаемых сущностей.

Вопросы, первоначально входившие в диалектику у Платона, стали предметом логики Аристотеля (хотя он сам еще не пользовался этим термином) и получили название «первой философии», а затем «метафизики».

Проблематика диалектики и метафизики генетически и исторически связана с основным вопросом философии. Формирование категорий диалектики и метафизики осуществлялось в тесной связи со становлением и развитием философской проблематики вообще и характеризовалось широким мировоззренческим содержанием. Т. И. Ойзерман отмечает, что диалектика Гераклита — не столько метод, сколько мировоззрение, определенное понимание действительности [11, с. 187].

В известной степени об этом же свидетельствует и то обстоятельство, что в философской традиции термины «диалектика» и особенно «метафизика» употреблялись как тождественные или близкие по смыслу понятию «философия». На основе достижений естествознания (прежде всего математики и механики) философы нового времени стремились выработать истинный метод мышления. Эмпиризм Ф. Бэкона и рационализм Р. Декарта явились, как известно, метафизическими философскими «крайностями». Но это были исторические «крайности» в разработке и углублении вопросов теории познания, в развитии реального содержания философских проблем.

И. Кант, отвергая методологию предшествующей метафизики, ставил перед собой задачу создания новой, «критической» метафизики и выявил на этом пути существенные стороны познания как деятельного теоретического мышления. Переосмысление понятий «диалектика» и «метафизика» связано с именем Гегеля, подчеркнувшего прежде всего их гносеологическое значение, и с последующей критической переработкой всего теоретического наследия классиками марксизма. Диалектика и метафизика понимаются марксизмом как противоположные теории развития, противоположные способы, типы понимания познания и методы мышления.

Всесторонне разрабатывая диалектику, В. И. Ленин отмечал, что на гносеологическое содержание диалектики обращает-

ся недостаточное внимание (речь идет о Плеханове и др. марксистах), а между тем именно в этом заключается суть дела [3, т. 29, с. 317]. Раздвоение единого и познание его противоречивых частей В. И. Ленин считал сущностью диалектического понимания развития, законом познания (и законом объективного мира) [3, т. 29, с. 316].

Диалектику и метафизику В. И. Ленин определял как два основных (или возможных? или два в истории наблюдавшихся?) вида, типа, способа понимания и объяснения движения, развития познания (и объективного мира), метода мышления [3, т. 29, с. 317]. В учении о единстве противоположностей, по В. И. Ленину, будет схвачено ядро диалектики [3, с. 29, с. 203] и, следовательно, коренное отличие, противоположность ее метафизике.

В способе понимания и разрешения внутренних, существенных, необходимых противоречий, которые исторически выявляются в процессе познания и практики, и состоит противоположность диалектики и метафизики. Многообразные реальные противоречия природы, общества, мышления, выраженные со стороны их всеобщей гносеологической природы, получают свое логическое выражение в основном вопросе философии — в противоположности бытия и мышления.

Разработка научного метода всегда связывалась с задачей получения объективного знания. Метод как таковой и является воспроизведением объекта в мышлении. В нем содержится знание условий и средств реализации целенаправленного познавательного процесса, «прогрессирующего развития истины», по Гегелю.

Философский метод представляет собой определенное понимание процесса познания, соотношения различных его сторон на пути движения знания к объективной истине и есть, по сути дела, теория самого процесса познания. Теория и метод неотделимы, они взаимно предполагают и обуславливают друг друга. Метод неразрывно связан с теорией и имеет ее в качестве своей необходимой предпосылки. Теория, обращенная к самому познанию, к дальнейшему исследованию процесса мышления, выступает в качестве способа получения нового знания — метода.

Философский метод как теоретическая разработка способа постижения объекта в мышлении включает в себя знание познавательной деятельности субъекта познания, условий и средств воспроизведения объекта, которые в целом составляют теоретико-познавательную структуру, соответствующую уровню развития познания и практики (конкретно-историческую форму субъект-объектного отношения), и в силу этого опосредованно (через познавательную структуру) содержит в себе знание объекта и субъекта, является определенным пониманием бытия и мышления.

Метод философии, следовательно, внутренне связан с основным вопросом, органически включен в гносеологическую структуру отношения (противоположности) мышления к бытию. Противоположность диалектики и метафизики, таким образом, не есть «основная методологическая противоположность» наряду с «философской дихотомией материализма и идеализма» [см. 13, с. 249], а два основных способа разрешения исходной гносеологической противоположности бытия и мышления, материи и сознания, два аспекта развития (развертывания) конкретного содержания философской проблематики в ее закономерном историческом движении.

В исторической перспективе развития философии осуществляется тенденция к единству, совпадению диалектического и материалистического решения основного вопроса философии, которое и реализуется в марксизме в форме диалектического и исторического материализма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1—39.
2. Маркс К. и Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956.
3. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1—55.
4. Бакурадзе О. М. В. И. Ленин и проблема отношения материализма к метафизике. — В кн.: Ленинский этап в развитии философии марксизма. М., 1972, с. 45—53.
5. Бородай Ю. И. Воображение и теория познания. М., 1966, 150 с.
6. Бухалов Ю. Ф. До питання про співвідношення діалектики, теорії пізнання і логіки у марксистсько-ленінській філософії. — «Вісник Харківського університету, філософія», № 60, вип. 7. Харків, 1971, с. 3—13.
7. Копнин П. В. О структуре курса диалектического материализма. — «Научн. докл. высш. школы. Философские науки». М., 1961, № 2, с. 112—118.
8. Копнин П. В. Введение в марксистскую гносеологию. К., 1966, 286 с.
9. Копнин П. В. Философские идеи В. И. Ленина и логика. М., 1969, 483 с.
10. Ленинский этап в развитии философии марксизма. М., 1972, с. 81, 150.
11. Ойзерман Т. И. Главные философские направления. М., 1971, 382 с.
12. Платон. Сочинения в трех томах, т. 2, 610 с.
13. Соколов В. В. Диалектика и метафизика в истории домарксистской философии. — В кн.: История общественной мысли. М., 1972, с. 249—269.

Б. А. ЯРОЧКИН, А. П. ЗАЗДРАВНОВ

ОБ ОБЩЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКИХ ФОРМАХ ОБЪЕКТА ПОЗНАНИЯ

Диалектико-материалистическое исследование объекта познания, на наш взгляд, должно проводиться с учетом следующих особенностей процесса познания:

1. Между объектом и субъектом познания существует двухсторонняя связь, основой которой является практика. Человек реализует себя как субъект познания лишь в содержательной связи с объектом познания. Человеческое сознание «в себе», вне его направленности на объект просто не существует. Внеш-

няя же вещь выступает объектом познания только в формах практической и познавательной деятельности субъекта.

2. Формы деятельности субъекта не являются неизменными, они изменяются по мере становления и развития человека и человечества. Соответственно изменяется и объект познания. Становление и развитие объекта познания — процесс общественно-исторический.

Положение о том, что предметы и явления объективной реальности, выступая в качестве объекта познания, могут быть даны человеку лишь в общественно-исторических формах практики и сознания, и вытекающая из него необходимость исторического подхода к исследованию объекта познания четко сформулированы В. И. Шинкаруком: «Объект человеческого познания... имеет общественно-исторический характер. Природа лишь тогда приобретает значение объекта, когда она «очеловечивается» — практически и теоретически осваивается человеком. А поскольку формы практического и теоретического освоения природы складывались исторически и изменялись на протяжении истории, то и формы определенности объекта познания тоже изменялись, идя от низшего к высшему, от простого к сложному.

Итак, закономерности процесса познания можно раскрыть лишь на основе раскрытия закономерностей исторического развития субъекта и объекта познания. Теория познания должна исходить из истории познания» [7, с. 18].

Форма и содержание познания не являются чем-то внешним по отношению друг к другу. Они стороны единого целого — общественно-исторической практики. Разумеется, первой предпосылкой и необходимым условием человеческого познания выступает существование объективной реальности, предметов и явлений природы, которое не зависит от человека и человечества. Но сами эти предметы и явления отражаются в сознании человека и, следовательно, становятся его содержанием, видоизменяясь и приобретая человеческий смысл в процессе общественной практической деятельности. Отчужденные (и тем самым — извращенные) формы отражения действительности, как показал Маркс, являются отражением действительного отчуждения, господствующего в процессе производства, которое основано на социальном неравенстве и угнетении. Человек, живущий в условиях такого отчуждения, экстраполирует его и на природу саму по себе. Следовательно, чтобы преодолеть извращенность человеческих представлений о действительности, надо прежде всего **изменить** социальную действительность человека, чтобы она больше отвечала его природе (которая тоже имеет общественно-исторический характер). Отсюда исходит тот поистине революционный вывод, который делает К. Маркс в одиннадцатом тезисе о Фейербахе: «Философы лишь

различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его» [2, с. 107].

Этот вывод имеет прямое отношение не только к общественно-исторической практике человека, но и к человеческому познанию. Несколько раньше, в «Экономическо-философских рукописях 1844 года», Маркс говорит об этом со всей определенностью: «Разрешение *теоретических* противоположностей само оказывается возможным *только практическим* путем, только посредством практической энергии людей, и.. поэтому их разрешение отнюдь не является задачей только познания, а представляет собой *действительную* жизненную задачу, которую *философия* не могла разрешить именно потому, что она видела в ней *только теоретическую задачу*» [1, с. 594].

Отражение природы, измененной человеком в соответствии с его общественно-историческими запросами и потребностями, не удаляет человеческое познание от природы как таковой, а приближает к ней. Ведь человек — не спиритуалистическое существо, а продукт развития самой природы. Поэтому после ликвидации социального отчуждения человеческая сущность природы (как природы общественно-исторической) и природная сущность человека (естественно-историческая сущность) совпадут. Основой такого совпадения выступит практика коммунистического общества. «*Промышленность является действительным историческим отношением природы, а следовательно и естествознания, к человеку. Поэтому если ее рассматривать как экзотерическое раскрытие человеческих сущностных сил, то понятна станет и человеческая сущность природы, или природная сущность человека*» [1, с. 595].

Исходя из сказанного, мы здесь делаем попытку конкретизации понимания общественно-исторического характера объекта познания, выступающего отражением общественно-исторической практики в сознании человека.

* *

*

Сразу же следует оговориться, что исследование предистории человеческого сознания не входило в нашу задачу. Здесь мы подчеркиваем лишь то положение, с которым связано само **материалистическое** понимание проблемы, из которого следует, что материальная практическая деятельность является первичной по отношению к сознанию как в онтогенезе, так и в филогенезе. Правда, в своих истоках эта деятельность не была еще трудом в полном смысле данного слова, и на ее основе могли сформироваться только зачатки сознания. Но и они с самого начала оказывают обратное влияние на породившую их материальную деятельность. Развитие этой двухсторонней связи и приводит, в конечном итоге, к возникновению и сознания, и труда в прямом смысле этих слов.

Человек вышел из мира животных, и его отношение к действительности вначале тоже было чисто животным. Животное воздействует на природу своим телом. В процессе этого взаимодействия с природой изменяется его тело. В этом и состоит эволюция животных. Связь животного с природой — прямая, **неопосредованная** связь. Восприятие мира животным обусловлено этим типом связи. К. Маркс по данному поводу писал: «Животное непосредственно тождественно со своей жизнедеятельностью. Оно не отличает себя от своей жизнедеятельности. Оно есть *эта жизнедеятельность*» [1, с. 565].

Человек разрывает это неразличенное единство, поставив между собой и природой орудия труда. Если история животного мира — это история его биологической эволюции, то история человека — прежде всего история развития его производства. Практическая материальная деятельность людей составляет основу человеческого бытия, с изменением, развитием которого изменяются и развиваются формы отражения этого бытия — формы человеческого сознания. Ведь «сознание (*das Bewußtsein*) никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием (*das bewusste Sein*), а бытие людей есть реальный процесс их жизни [2, с. 29].

Соотношение бытия и сознания человека на первом этапе развития общества характеризуется двумя основными чертами:

1. Сознание человека еще органически вплетено в процесс труда, не реализуется вне этого процесса в своей относительной самостоятельности. Оно еще **прямо, непосредственно** отражает материальную деятельность людей. «Производство идей, представлений, сознания первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и материальное общение людей, в язык реальной жизни. Образование представлений, мышление, духовное общение людей является здесь еще непосредственным порождением их материальных действий» [2, с. 29]. Реально не расчленив еще свой труд на умственный и физический, человек и в сознании воспринимает, отражает его в этой нерасчлененности.

2. Орудия труда первобытного человека были еще настолько примитивны, что при их помощи обеспечить минимум необходимых для поддержания жизни материальных благ можно было только в процессе **коллективной** деятельности, только усилиями всего коллектива. Человек **в принципе** не имел возможности существовать вне коллектива сколь-нибудь значительный отрезок времени. Будучи не в состоянии выделить себя из коллектива реально, человек, разумеется, не располагал такой возможностью и в сознании. Представители первобытного коллектива обладали, разумеется, индивидуальными особенностями, но как в реальной жизни, так и в сознании решающую роль играли не эти особенности, а принадлежность человека к роду.

Таким образом, объект сознания первобытного человека (общественное бытие первобытного коллектива) был **нерасчлененным** объектом. В нем человек отождествлял и субъективные свойства своего сознания, и характеристики рода, и свойства объективных вещей. Иными словами, в объекте сознания человека той эпохи слиты воедино эмоционально-волевые переживания объективной вещи и сама эта вещь. Один из крупнейших исследователей первобытного сознания Л. Леви-Брюль говорит, что представления первобытных людей «не будучи чистыми представлениями в точном смысле слова... обозначают или, вернее, предполагают, что первобытный человек в данный момент не только имеет образ объекта (Леви-Брюль употребляет понятие «объект» в традиционном смысле, как синоним понятия «внешняя вещь». — Б. Я., А. З.) и считает его реальным, но и надеется на что-нибудь или боится чего-нибудь, что связано с каким-то действием, исходящим от него или воздействующим на него. Действие это является то влиянием, то силой, то таинственной мощью, смотря по объекту и по обстановке, но действие это неизменно признается реальностью и составляет один из элементов представления о предмете» [5, с. 21]. Именно отсюда и идет одухотворение мира, которое возникает из перенесения собственных психических переживаний на явления и предметы объективной реальности. Объективные предметы, будучи «одетыми» в эти переживания, как бы начинают жить новой жизнью, отличной от их реального существования. Во всяком случае, в глазах первобытного человека эта вторая жизнь предметов не менее реальна, чем для нас действительная.

На основе такого восприятия и развивалась логика первобытного мышления. Качественная специфика объекта сознания первобытного человека не могла не оказать влияния на способ связи объектов в мышлении. Подчеркивая специфику данного способа мышления, Леви-Брюль называет его пралогическим мышлением. Правда, он считает необходимым подчеркнуть, что «под термином «пралогический» отнюдь не следует понимать, что первобытное мышление представляет собой какую-то стадию, предшествующую во времени появлению логического мышления... Называя его пралогическим, я только хочу сказать, что оно не стремится, прежде всего, подобно нашему мышлению, избегать противоречия» [5, с. 49]. В доказательство этой мысли он приводит факты, когда совершенно тождественные предметы имеют для первобытных людей совершенно разный смысл [5, с. 78—79]. И, наоборот, в операции обобщения часто объединяются совершенно разные предметы [5, с. 84—85].

Однако противоречие, которое Леви-Брюль приписывает первобытному мышлению, скорее, существует в самом способе рассуждения этого автора. Ведь через всю его книгу красной нитью проходит мысль о том, что предметы и явления природы представитель первобытного общества воспринимает в нераз-

личимом единстве субъективного и объективного, накладывая на них печать собственной субъективности. Именно в таком виде они и выступают в качестве объекта первобытного мышления. Было бы удивительно, если бы мышление, оперирующее качественно иными объектами сознания, чем наше мышление, оценивалось совершенно тождественно с точки зрения закона противоречия. Качественная специфика объекта сознания с необходимостью определяет специфику строя мышления. Закон противоречия, конечно же, действует и в первобытном мышлении, но на качественно отличном от нашего мыслительном материале. Абсолютно разный смысл могут иметь для него предметы, совершенно тождественные лишь с нашей точки зрения. И, наоборот, член первобытного коллектива может отождествлять совершенно различные лишь с нашей точки зрения предметы и явления.

Первая форма общественного сознания, рассмотренная выше, получила название мифологического сознания. Сущность последнего заключается «в объективировании субъективного (коллективно-бессознательного) переживания и впечатления, при котором порождения фантазии как результат этого объективирования принимаются за подлинную реальность внешнего мира» [4, с. 40]. Его объективная основа — неразвитость общественной практики первобытных людей.

В переходный период от первобытного к рабовладельческому обществу развитие производительных сил достигает такого уровня, что становится возможным разделение труда на умственный и физический. Возникает реальная возможность выделения, а значит и самостоятельного отражения в сознании как объективных, так и субъективных моментов, ранее неразрывно связанных в объекте первобытного сознания. В связи с этим появляются искусство, религия, наука, философия. Мифология содержала в себе элементы этих новых форм общественного сознания в нерасчлененном виде. В период распада мифологического сознания они приобретают все большую самостоятельность. В какой последовательности они возникли?

По отношению к науке и религии считаем уместным задать встречный вопрос: в какой последовательности по отношению друг к другу возникают противоположности? Для того, чтобы возникла религия как самостоятельная форма общественного сознания, должно было появиться представление о сверхъестественном и, следовательно, противоположное ему представление о естественном порядке вещей. В мифологии таких представлений не существовало. Хотя предметам и явлениям приписывались мистические силы и способности, но они, во-первых, не противопоставлялись им, а, во-вторых, сверхъестественными они являются лишь с нашей точки зрения, для первобытного же человека они казались не менее естественными, чем предметы и явления объективного мира для нас. «Одним из определяю-

щих элементов религиозного мировоззрения является вера в сверхъестественное, противоположное естественному... Мифология не знала такого противопоставления. В ней «сверхъестественное» было вполне естественным, так сказать «в порядке вещей». Другое дело в религии. Здесь природе вполне сознательно противопоставляется мир надприродного, естественной закономерности — сознательная воля могучих сверхъестественных сил» [7, с. 11].

С момента разделения труда на умственный и физический становится возможным возникновение всех перечисленных ранее форм общественного сознания. «С этого момента, — говорят К. Маркс и Ф. Энгельс, — сознание *может* действительно вообразить себе, что оно есть нечто иное, чем осознание существующей практики, что оно *может действительно* представлять что-нибудь, не представляя чего-нибудь действительного, — с этого момента сознание в состоянии эмансипироваться от мира и перейти к образованию «чистой» теории, теологии, философии, морали и т. д.» [2, с. 40—41]. По отношению к науке и религии из сказанного выше ясно, что они могут возникнуть «с этого момента» только одновременно, как и всякие иные противоположности.

Таким образом, для того, чтобы возникла религия как самостоятельная форма общественного сознания, необходимо было предварительное расчленение мифологического сознания, возникновение в нем представления о естественном и сверхъестественном. Такое расчленение было подготовлено усложнившимися формами общественной практики. Как следствие усовершенствования орудий труда и усложнившихся форм практической деятельности появляется прибавочный продукт, а вместе с ним и возможность его присвоения. Возникают классы и государство как орудие социального угнетения. Образуется социальное отчуждение труда и как отражение этого отчуждения — отчужденные формы общественного сознания. Интеллектуальная, творческая деятельность становится достоянием и привилегией свободных граждан, физический же труд, лишенный творческого, духовного начала, становится достоянием рабов. На такой основе вполне может возникнуть иллюзия о самостоятельности, с одной стороны, сознания, а с другой, — труда как чисто материальной, лишенной духовного момента деятельности.

Человеческая сознательная материальная деятельность — практика, — которая в действительности только и может быть отражена сознанием, выступает реальным объектом последнего, разрывается в нем на две абстракции: сознание само по себе и природу саму по себе. История человечества и история природы отрываются одна от другой «как будто это две обособленные друг от друга «вещи», как будто человек не имеет всегда перед собой историческую природу и природную историю» [2, с. 34].

Если наука и религия — это две противоположности, и различие между ними бросается в глаза, то намного труднее отличить друг от друга науку и философию. Возьмем в качестве исходного пункта античную натурфилософию. В литературе нет единой точки зрения по вопросу о том, куда отнести ее досократовский период: к науке или к философии. Например, И. Д. Рожанский относит его к науке [6, с. 11], Г. Волков — к философии [3, с. 17]. На наш взгляд, в досократовский период были поставлены проблемы, общие для науки и философии, и лишь в дальнейшем способ подхода к их решению определил водораздел между наукой и философией.

Существенное различие между наукой и философией заключается в том, что наука изучает определенные области материального мира, а философия — отношение сознания к материи. Поэтому наука не исследует специально сам процесс познания. Такое исследование составляет специфику философии. Так, марксистско-ленинская философия обращает внимание на то, что предметы и явления природы могут быть даны человеку только в формах наличной человеческой практики и сознания. Она подчеркивает, что необходимым условием и основой развития человеческого познания является изменение, развитие общественной практики и форм отражения практики в сознании человека.

Правда, в современной науке значительно возросла активность субъекта в процессе познания, поэтому она вынуждена исследовать эту активность, а следовательно, — и ряд моментов процесса познания. Это справедливо не только по отношению к общественным наукам, которые в принципе не могут обойтись без такого исследования, но и к некоторым областям естествознания. Так, квантовая механика не может обойтись без изучения и учета того влияния, которое процесс познания оказывает на его результат. Если раньше естествознание при исследовании предметов и явлений объективной реальности могло без особого для себя ущерба отвлечься от изучения человеческой практики и познания, то с возрастанием активности субъекта познания такое отвлечение становится невозможным. Логика развития конкретно-научного познания все чаще приводит ученых к необходимости при решении тех или иных проблем обращаться к проблемам самого познания, а не только к той области, на которую познание в данный момент направлено. Именно поэтому наиболее выдающиеся представители современной физики, такие, как Эйнштейн, Бор, де Бройль сочли необходимым обращаться к вопросам теории познания в связи со своими научными исследованиями.

Говоря о перспективах развития человеческого познания, К. Маркс считал, что наука о человеке и естествознание — наука о природе — должны слиться и образовать единую науку о человеке как природном существе и о природе как общественно-

исторической природе. Для такой науки «человек есть непосредственный предмет естествознания... А природа есть непосредственный предмет науки о человеке... Общественная действительность природы и человеческое естествознание, или естественная наука о человеке, это тождественные выражения» [1, с. 596].

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. и Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956, 642 с.
2. Маркс К. и Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений. Новая публикация первой главы «Немецкой идеологии». М., 1966, 121 с.
3. Волков Генрих. У колыбели науки. М., «Молодая гвардия», 1971, 223 с.
4. Кессиди Ф. Х. От мифа к логосу. М., 1972 303 с.
5. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. «Атенст», 1930, 312 с.
6. Рожанский И. Д. Анаксагор. М., 1972, 298 с.
7. Шинкарук В. І. Марксистсько-ленінська філософія і світогляд. — «Філософська думка», 1969, № 1, с. 3—12.

А. С. ПРИХОДЬКИН

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМНЫХ ОБЪЕКТОВ И ТЕОРИЯ СИСТЕМ

Увеличение объема системных исследований свидетельствует о растущей заинтересованности различных отраслей науки в развитии системных методов и принципов в процессе познания объектов определенного класса. При описании таких объектов научное понятие «система» становится необходимым элементом языка исследователей. Попутно возникает задача дальнейшей экспликации понятия с целью его однозначной интерпретации и отличия от общеупотребимого, часто применяемого для описания любого объекта, так как становится очевидным, что понятие должно выполнять существенно иные функции как при описании объекта, так и при обосновании и реализации способов его исследования.

В этой связи отмечается [8, с. 28] факт различного понимания категории «система». В трактовке одних авторов это понятие отражает всякий объект действительности и становится понятием всеобщего характера. Другие придерживаются мнения, что не всякий объект является системой, а лишь тот, который обладает соответствующими, характерными для него или некоторого класса объектов, специфическими объективными «системными» признаками. Третьи считают, что любой объект можно рассматривать и как системный, и как несистемный.

Совокупность исходных принципов исследования объектов — систем называется «системным подходом» и разрабатывается для создания теории систем (общей теории систем).

Повышенное внимание к системам можно объяснить, очевидно, двумя причинами:

1) появлением новых объектов исследования для различных отраслей науки;

2) необходимостью разработки и применения новых исследовательских методов и принципов для познания сложных систем различной природы на уровне задач, стоящих перед наукой сегодняшнего дня.

Обычно к объектам исследования в разрабатываемой теории систем относят широкий класс сложных систем, примерами которых являются биологические (человеческий мозг, человек как самоорганизующаяся система, популяции); технико-экономические (система управления предприятием, отраслью, транспортом, связью, техника «больших» систем, обеспечение космических полетов); социальные (малые группы, общественные демографические структуры, общество в целом); комплексные «большие» системы (национальная экономика, проблемы реконструкции городов, освоения и охраны природных ресурсов), в которых переплетаются и технико-экономические, и социальные, и биологические, и другие задачи. Как видно, число примеров таких реально существующих систем можно было бы продолжить.

Безусловно, приведенные выше примеры объектов в качестве сложных систем не являются принципиально новыми. В разное время наука имела дело со сложными объектами — физическими, химическими, биологическими, социальными, экономическими и другими. Исследователи, занимавшиеся этими объектами, ставили перед собой различные задачи. Биологи, социологи, экономисты исследовали системы очень широкого класса на уровне установления качественных закономерностей. Они описывали системы, объясняли и предсказывали их поведение, реже — законы и тенденции развития. Физики, химики изучали в своих объектах как качественные, так и количественные закономерности. При этом открытие физических и химических законов было связано с определенными исследовательскими методологическими принципами, сохранявшими силу как для относительно простых, так и для сложных физических, химических и других объектов и явлений. Главное преимущество физики и смежных отраслей науки заключалось, по мнению многих ученых, в возможности идеализации своих объектов, нахождении таких элементарных (базисных) отношений в них [7, с. 320], которые затем можно было перенести на исследование любых других объектов в этих науках и открывать закономерности для явлений очень широкого класса.

Такой подход к изучению явлений квалифицируется [7, с. 322; 17, с. 126] как метод редукционизма, идущий от изучения простых частей объекта к установлению сущности и закономерностей функционирования всего объекта в целом. Успешному применению метода от простого к сложному способствовало то обстоятельство, что общность законов в исследуемых областях была «настолько широка, что включала и действительное, и возможное, в то время как в таких науках, как биология, за-

коны жестко ограничены рамками действительности» [5, с. 11].

Приведенное высказывание можно интерпретировать в том смысле, что для биологических, экономических, социальных, сложных человеко-машинных и других систем не просто найти нужный аспект идеализации изучаемых свойств объектов, составить упрощенную модель их функционирования, поскольку грубая модель будет приводить к принципиальным ошибкам, а составить точную модель на основании знания отдельных сторон объекта из-за огромной сложности последнего не представляется возможным.

Применение с этой целью принципа «черного ящика» не решает данного вопроса, так как структура сложной системы неоднозначно определяет ее поведение. Здесь необходимо знать некоторые особые правила подачи входов на «черный ящик», которые могут быть известны только на основании установления так называемых системообразующих [6] отношений самого объекта. Основным моментом выступает, таким образом, разработка методологии поиска системообразующих отношений, что и является одной из главных задач системного подхода.

Как отмечается в литературе [10; 15], еще классиками марксизма в рамках исторического материализма был применен системный подход к экономике и общественным отношениям (например, в «Капитале» и «Экономических рукописях» 1857—1858 годов). Эти исследования проводились, в основном, на уровне обнаружения качественных закономерностей действительности.

Дальнейшее развитие общественно-исторической практики привело к необходимости постановки исследовательских научных и практических задач, связанных с установлением *количественных* закономерностей функционирования и развития так называемых «больших» систем, примеры которых приводились выше. Это было вызвано не только необходимостью описания и объяснения поведения, но, в первую очередь, потребностью оптимального управления и создания (конструирования) подобных систем, что привело к значительным методологическим и инструментальным трудностям. Разрешение последних связывалось, в частности, с разработкой теории систем (общей теории систем).

Имея дело с широким спектром объектов, теория систем может и должна занимать промежуточное положение между специальными науками, с одной стороны, и философией, с другой. Возникает, следовательно, потребность в понятиях, которые были бы более общими, чем специальные, и менее общими, чем философские, и которые бы являлись частью аппарата «теории среднего уровня». Таким образом, обосновывается необходимость разработки в рамках теории систем некоторых «систем-

ных» понятий, характеризующих основные свойства и отношения сложных объектов.

Анализ системных объектов и их свойств показывает, что специфика систем настолько велика, системные понятия, отражающие реальные свойства и отношения, настолько не поддаются часто количественному описанию, что в рамках теории систем возникает потребность в таком подходе, своеобразии и особенности которого порождаются, с одной стороны, самим субстратом объектов, а с другой, теми задачами, которые поставлены перед исследователями уровнем развития науки и требованием человеческой практики сегодняшнего дня.

Рассмотрим особенности, характеризующие сложные системы с первой стороны.

1. Исследуемые объекты представляют собой неоднородные (гетерогенные) комплексные системы, объединяющие в себе самые различные по строению, размерам, качествам, функциям, закономерностям движения и развития элементы [4, с. 69]. При этом элементы, входящие в одну систему, могут быть представителями как живой, так и неживой природы.

2. Объекты являются системами «организованной» сложности [2, с. 59]. Этим они отличаются от тех физических систем «беспорядочной» сложности, функционирование которых часто может быть описано при помощи статистических законов. Организация систем базируется на определенных структурных отношениях подсистем и элементов и порождает такие ее (системы) свойства, функции, что она рассматривается как нечто целое, большее суммы своих частей.

Части системы или элементарные отношения могут не оказывать решающего действия на поведение системы. «Тайны отдельных нейронов раскрыты почти все, но часто нельзя охарактеризовать даже простые системы, состоящие из нервных клеток» [7, с. 329]. Аналогичные примеры можно привести из различных областей знаний. Рассматривая на основе метода исторического материализма капиталистическое общество как систему, К. Маркс подчеркивал, что несмотря на относительную самостоятельность ее элементов, система синтезирует их (элементы) таким образом, что абсолютно самостоятельное их существование становится невозможным, поскольку элементы в настоящем их качестве есть порождение данной системы [1, с. 229]. Отсюда, в частности, следует, что при исследовании системного объекта нельзя заведомо расчленив его на такие части, анализ которых позволил бы понять поведение системы, т. е. принципиально необходимо понять законы функционирования всей системы как целого.

3. Системный объект обладает собственной функцией поведения, определенной целенаправленностью развития, характерной для живых организмов.

Данное обстоятельство коренным образом отличает рассматриваемые системы от сложных физических «неодушевленных» систем. В этой связи объекты изучаются в той мере, в какой они напоминают одушевленные, будучи своего рода организованными (социальные, экономические, человеко-машинные технические системы и т. д.) [2, с. 65]. Целесообразное функционирование систем связано с процессами обработки информации, управления и саморганизации (в живых системах). Эти процессы направлены на то, чтобы системы были способны при активном взаимодействии со средой изменять свою структуру, сохраняя в то же время целостность и, действуя в рамках закономерностей, присущих окружению, выбирать одну из важных линий поведения [16, с. 360].

В этом смысле кроме структуры системы необходимо рассматривать другой аспект системы — организацию. Последнее понятие должно быть, очевидно, более объемным и отражать упорядоченный набор множества структур, которые объединены единой целью функционирования системы, определяя метод достижения цели.

Таким образом, в данном случае система состоит из двух частей: объекта управления и управляющей части.

Без рассмотрения целенаправленных процессов управления и самоорганизации в системе объект не может быть охарактеризован.

4. Исследуемые объекты являются системами с явно выраженными связями с внешней средой. Именно по отношению к внешней среде система рассматривается как некоторая целостность, несмотря на сложную внутреннюю «организацию» и иерархическую структуру, многокомпонентность и т. д. При этом число связей с внешней средой, которое, очевидно, можно трактовать как некоторый критерий целостности системы, тем больше, чем более сложной представляется ее внутренняя структура. Более сложная структура системы, хотя и характеризует лишь некоторый инвариантный [2, с. 112], статический [3, с. 31] аспект системы, указывает на декомпозиционность [7, с. 334] системы, на наличие в ней большого количества подсистем со своими самостоятельными функциями. В этом смысле необходимо принимать в качестве основы диалектически двойственную природу системы, рассматриваемую, с одной стороны, как некоторая целостность и, с другой стороны, как расчленяемая на части по некоторым законам декомпозиции сущность.

Перечисленные свойства сложных объектов, безусловно, не охватывают всех характерных особенностей систем, но в них все же воссозданы соответствующие представления о природе тех классов объектов, примеры которых приводились выше. Тот факт, что по общим свойствам сложных объектов различной природы оказывается возможным образовать некоторое новое множество объектов, существенно отличающихся от традицион-

ных (физических, например) и имеющих собственные законы функционирования и развития, говорит о том, насколько целесообразна постановка вопроса об общих по отношению к ним принципах исследования, о необходимости разработки общей теории.

К сожалению, реальные результаты этой теории сегодня далеки от требований, обычно предъявляемых к любой теории, которая должна «позволять давать выводное знание, т. е. обладать предсказательной силой» [9, с. 211]. Одна из причин ограниченности теории, как справедливо отмечается в работе [10], состоит в том, что системные концепции акцентируют внимание на формальных, математических проблемах описания систем, тогда как содержательная база теории еще не получила удовлетворительной разработки. Поэтому формальный аппарат оказывается чрезмерно узким и, следовательно, не адекватным тем задачам, которые призвана решать общая теория систем. Язык теории, в конечном счете, «создается не для того, чтобы манипулировать абстрактными объектами, а для объяснения некоторых фрагментов действительности» [9, с. 181]. Все это говорит о необходимости единства содержательных и формальных методов исследования при разработке теории систем. Содержательные исследования должны начинаться с разработки единой понятийно-содержательной базы, обеспечивающей применение системных понятий многими исследователями в одинаковом значении, поскольку разработка формального аппарата не может начинаться с момента создания «системы» противоречивых языковых средств.

Одним из возможных направлений в создании понятийной базы может быть выбор необходимого аспекта идеализации понятий в системных исследованиях, отражающих, с одной стороны, основные свойства объектов, и отвечающих, с другой, четко определяемым целям исследования.

Проблема логики построения системных понятий может быть решена, очевидно, на основе исследования «системных параметров» и системных закономерностей [11; 13].

Системные параметры существенно отличаются [13, с. 53] от физических величин — параметров (характеризуемых с помощью некоторых отношений первого порядка) и могут быть описаны отношениями второго порядка.

Примером такого подхода является способ анализа К. Марсом в «Капитале» вещей — представителей товарного мира [14]. Так, анализируя социальные качества вещей, К. Маркс разделяет их на две группы: социальные качества первого порядка, — те, что превращают вещи в полезные потребительные; и социальные качества второго порядка, — которые не материализуются в отдельных вещах и проявляются как качества общественного целого (стоимость, деньги).

В отличие от качеств первого порядка, которые являются предметно-системными, качества второго порядка можно трактовать как собственно системные. Они не имеют материально-природного и предметного смысла, но их высокий уровень абстракции позволяет вскрыть сущность и материальность объекта исследования в общественно-экономическом смысле.

Категории эти отражают результат затрат общественно-необходимого труда в производстве товаров и дают возможность установить связи с другими собственно-системными качествами. Именно установление связей и закономерностей между системными качествами (параметрами) и является основной задачей общей теории систем [13].

Но теория систем, как и всякая другая, должна, очевидно, иметь определенную структуру своих элементов, соответствующую в той или иной мере тем связям, которые существуют в объекте. Кроме того, структура теории зависит от практической деятельности. Последняя же в области становления теории систем связана с исследованием сложных системных объектов с характерными свойствами. Прежде всего на уровне таких объектов должна разрабатываться методология поиска и установления системных параметров и системных закономерностей. В противном случае специфика системного метода теряется ввиду исчезновения, с одной стороны, объекта исследования и, с другой, опасности трактовки системного метода как научного метода вообще.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1.
2. Рапопорт А. Различные подходы к общей теории систем. — В сб. «Системные исследования», М., 1969, с. 55—79.
3. Малиновский А. А. Теория структур и симметрия. — В сб. «Системные исследования». М., 1970, с. 10—31.
4. Жбанкова И. И. Структурные уровни в неорганической природе. — В кн.: «Проблемы уровней и систем в научном познании. Минск, 1970, с. 64—81.
5. Аптер М. Кибернетика и развитие. М., 1970, 213 с.
6. Уемов А. И. Системы и системные исследования. — В кн.: Проблемы методологии системного исследования. М., 1970, с. 64—86.
7. Тода М., Шуфорд Э. Х. Логика систем: введение в формальную теорию структуры. — В кн.: Исследования по общей теории систем. М., 1969, с. 320—383.
8. Жуков Н. И. Философские основы кибернетики. Минск, 1970. 116 с.
9. Попович М. В. О философском анализе языка науки. 1966, 224 с.
10. Блауберг И. В., Садовский В. Н., Юдин Э. Г. Системный подход: предпосылки, проблемы, трудности. М., 1969, 48 с.
11. Богданович В. И., Сумаркова Л. Н., Уемов А. И. Системный метод и диалектика. — В сб. «Системный метод и современная наука. вып. 1, М., 1971, с. 5—16.
12. Овчинников Н. Ф. Структура и симметрия. — В сб. «Системные исследования». М., 1969, с. 111—121.

13. Уйомов О. І., Портнов Г. Я. Системні параметри та фізичні величини. — В зб. «Філософські проблеми сучасного природознавства», вип. 22, К., 1971, с. 51—57.
14. История марксистской диалектики. М., 1971, 536 с.
15. Сетров М. И. Организация биосистем. М., 1971, 274 с.
16. Юдин Б. Г. Методологические проблемы исследования самоорганизующихся систем. — В кн.: Проблемы методологии системного исследования, М., 1970, с. 359—384.
17. Эшби У. Росс. Общая теория систем как новая научная дисциплина. — В кн.: Исследования по общей теории систем. М., 1969, с. 125—142.

Н. П. БОБКОВА, И. З. ЦЕХМИСТРО

О ВЗАИМОСВЯЗИ КОЛИЧЕСТВЕННОЙ И КАЧЕСТВЕННОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ ОБЪЕКТОВ МАТЕМАТИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Как известно, Ф. Энгельс считал математику наукой диалектической и не допускал отрыва количества от качества в ее рамках [1, с. 138, 343]. «Число есть чистейшее количественное определение, какое мы только знаем, — писал он. — Но оно полно качественных различий» [1, с. 573]. Из этого высказывания Ф. Энгельса следует, что не только предметы и явления природы, но и объекты математики демонстрируют разнообразные аспекты проявления взаимосвязи качества и количества. Поэтому представляется целесообразным поставить вопрос об исследовании взаимосвязи количественной и качественной определенности объектов математического знания.

Идея бесконечности в этом отношении играет существенную роль. Характерно замечание Ф. Энгельса по поводу диалектической взаимосвязи конечного и бесконечного: «Говоря о бесконечно большом и бесконечно малом, математика вводит такое качественное различие, которое имеет даже характер непреодолимой качественной противоположности: мы имеем здесь количества, столь колоссально отличные друг от друга, что между ними прекращается всякое рациональное отношение, всякое сравнение, и что они становятся количественно несоизмеримыми» [1, с. 574].

Математическая бесконечность, как и всякое другое математическое понятие, должна отразить ту сторону реальной действительности, которая безразлична к особой, качественной стороне предметов и явлений. Однако внутри самого количества, внутри самой математики понятие бесконечности включает в себя противоречивые черты и оказывает существенное влияние на такие понятия, как качество и количество в математической науке. Раскрытие связи между конечным и бесконечным, обнаружение диалектического противоречия между ними, а также роль бесконечности в образовании качественно иных понятий и величин являются исходными моментами при анализе отмеченной проблемы.

Так, актуальная бесконечность полна неустранимо противоречивых черт, например, всех натуральных чисел ровно столько

же, сколько и четных, хотя последние и составляют лишь часть множества первых. Известны и другие проявления противоречивости понятия актуальной бесконечности. Однако это совсем не разрушающее предмет формально-логическое противоречие, в чем убеждает настоятельная необходимость и широкая применимость в математике многих понятий, опирающихся на актуальную бесконечность. Следовательно, эти противоречия коренятся в самой сущности предмета (равномощность целого и части множества чисел натурального ряда и т. п.); эти противоречия — диалектические [4, с. 33].

Рассмотрим, далее, вопрос о структуре континуума, при исследовании которого выдвигалось положение о том, что не имеющие величины точки ни в каком числе не могут дать хотя бы малой величины. Однако, дело сводится к тому, что понимать под термином «ни в каком числе». Если брать произвольные совокупности точек, то, конечно, не всегда будут получаться непрерывные образы. Очевидно, одной актуальной счетной бесконечности мало, чтобы признать данную совокупность за континуум. О континууме можно говорить лишь при актуальной трансфинитной мощности. Это во-первых. А во-вторых, математик для получения континуума должен постулировать еще дальнейшие свойства отношений (аксиомы расположения, непрерывности и т. п.), чтобы признать совокупности простейших элементов непрерывными. Итак, здесь на первый план выступает идея порядка: она сообщает то единство множеству элементов, которое характеризует континуум, и благодаря ей целое приобретает свойства, отсутствующие у его частей.

Теория множеств Кантора, строго «количественно» различая разные порядки бесконечности, раскрыла *качественное* разнообразие создаваемых силой абстракции «идеализированных объектов» типа мощностей бесконечных множеств и трансфинитов, восхождение по «лестнице» которых неограничено. Это — качественные ступени бесконечного, или, как говорит Кантор, своеобразные «разрезы», «сечения» в бесконечном. Рождение качественно новых трансфинитных чисел непосредственно связано с использованием идеи бесконечности как носителя нового качества, ибо, если конечное число предшествует бесконечности, то оно, говоря словами Кантора, «растворяется» и «исчезает» в бесконечном, но если оно «скромно» займет свое место позади бесконечного, то не только сохраняется но и, соединяясь с ним, образует новое модифицированное бесконечное, т. е. новое число [8, с. 24]. В этом и состояла идея построения трансфинитных порядковых чисел у Кантора.

Решающая роль бесконечности в этом процессе образования трансфинитных чисел очевидна. Завершенная бесконечность обуславливает «скачкообразный» переход от одного качества к другому, новому — переход от чисел натурального ряда к бесконечным числам, трансфинитным. Этот «скачкообразный»

переход к трансфинитам у Кантора вполне закономерен. Ведь «собственно бесконечное» мыслится им как данное сразу всеми своими элементами, как нечто, «существующее в готовом виде». Естественно поэтому, что не постепенный переход от натурального n к $n+1$, а лишь «скачкообразное» задание всего множества натуральных чисел обуславливает появление нового качества. Никакое движение от n к $n+1$ не может определить всего множества натуральных чисел как наличного определенного бесконечного. Только резкое изменение количества порождает новое качество: конечность заменяется качеством бесконечности. Появляется множество трансфинитных чисел — объект с совершенно новым количественным и качественным аспектом.

То, что трансфинитные числа — это числа, качественно отличные от натуральных чисел, видно уже на примере, который привел создатель этих чисел Кантор. Трансфинитное число ω вмещает в себе без всякого противоречия свойства четности и нечетности, что совершенно несоединимо, если рассматривать конечные числа [8, с. 25]. Еще более своеобразны прочие числа второго числового класса [8, с. 26].

Распространение понятия числа на область бесконечного — учение Кантора о трансфинитных числах — означает переход математического мышления к качественно новому типу.

Учение Кантора о трансфинитных числах привело к открытию качественно новых свойств множеств и отношений между ними.

В известном смысле Кантор показал, что в изучении бесконечности имеются основания пользоваться понятием «меры» в его философском понимании. Как известно, мера обнаруживается в том, что изменение количества лишь до определенной «границы» оставляет без изменения качество; переход этой «границы» уже порождает новое качество. Мера есть единство качественной и количественной сторон, она отражает то определенное количество, которое соответствует данному качеству. Примеры из области трансфинитной арифметики обнаруживают все характерные черты выхода за «границы меры». Так, будем считать, что в последовательности натуральных чисел, например, 1, 2, 3, 4, 5 мы имеем и количество, и качество: количество равно пяти, качество заключается в том, что это множество является конечным. Представим себе теперь, что к взятому множеству мы присоединяем по одному остальные натуральные числа; количество в этом случае будет меняться, а качество останется неизменным. Как бы долго мы не продолжали этот процесс, качество не изменится, не изменится также и мера, т. е. единство качества и количества в допустимом интервале изменения последнего.

Далее постулируем существование (актуальное) некоторого нового числа ω , которое обладает тем свойством, что оно больше любого из чисел натурального ряда и своим существованием

как бы задает в завершенном актуальном виде всю бесконечность ряда натуральных чисел. Тем самым мы произведем «скачкообразное» нарушение количества и получим возможность рассмотреть совокупность всех натуральных чисел как актуально заданное и завершенное множество. Безусловно, количество тут меняется, что выражается в актуальном существовании первого трансфинитного числа, но меняется также и качество, о чем говорилось выше. С появлением нового качества изменяется и мера, поскольку интервал изменения количества для вновь рожденного качества трансфинитной области будет теперь совсем иным.

Это нарушение границ меры и выход за пределы последней по всем правилам диалектики ведет к коренному преобразованию объекта, в котором существенные изменения претерпевают и качественная, и количественная определенности. Трансфинитные порядковые числа типа $\omega, \omega+1, \dots, \omega+n, \dots, 2\omega, \dots, n\omega, \dots, \omega^2, \omega^{\omega}, \dots$ не имеют аналогов в первом классе чисел, ибо для последних характерно совпадение порядкового и количественного аспектов в одном и том же числе. Трансфинитное порядковое число в своем, так сказать, «количественном» аспекте всегда одно и то же, поскольку оно характеризует различные способы упорядочения одного и того же счетно-бесконечного множества чисел натурального ряда. Вместе с тем и само понимание «количественного» аспекта применительно к этому вновь рождаемому множеству трансфинитных порядковых чисел существенно меняется и больше не адекватно простому представлению о числе элементов в множестве, что было правомерно на уровне конечных множеств. Для трансфинитной области понятие мощности множества нельзя непосредственно отождествлять с представлением о числе элементов в множестве. Строго говоря, уже на уровне счетно-бесконечного множества число элементов в множестве становится неопределенным. Именно поэтому необходимо обратиться к более общему понятию — понятию мощности множества, которое характеризует не просто число элементов в множестве, а скорее степень богатства запаса элементов в данном бесконечном множестве. Вводится самое малое из бесконечных «количественных» чисел A_0 — алеф-нуль которое характеризует запас элементов счетно-бесконечного множества. Далее, множество вновь построенных трансфинитных порядковых чисел $\omega, \omega+1, \dots, \omega+n, \dots, 2\omega, \dots, n\omega, \dots, \omega^2, \dots, \omega^{\omega}, \dots$, оказывается, уже не может быть перечислено с помощью 1-го счетно-бесконечного класса и обладает значительно большим запасом своих элементов, который характеризуется с помощью нового трансфинитного числа A_1 , значительно превосходящего A_0 и равного 2^{A_0} . Тем самым открывается возможность «количественно-качественного» анализа различных уровней бесконечности путем построения следующего класса трансфинитных порядковых чисел на основе различных типов упорядочения предыдущего множества транс-

финитных чисел и т. д., что ведет к появлению бесконечных множеств все более высокой мощности — $A_2=2^{A_1}$ и т. д. Все эти переходы будут в точности иметь характер гегелевской узловой линии мер.

Благодаря использованию в философии математики понятия меры, возникает возможность исследования фундаментальной роли предельного перехода, который позволяет выяснить сущность описываемого процесса, его количественную и качественную стороны, определить условия и характер перехода в качественно иной процесс.

В теории множеств, где используется актуальная бесконечность, где бесконечность дана как нечто существующее, мера выступает как «статическое» единство качества и количества. В математическом анализе, где главную роль играет потенциальная бесконечность, а основной задачей является изучение процессов изменения, взаимосвязи и взаимопереходов постоянных и переменных величин, прямых и кривых линий и т. д., и где основным средством решения этих задач является понятие предела и предельного перехода, — мера выступает как «динамическое» единство количества и качества.

Отсюда можно сделать вывод, что в целом для объектов математической науки характерно неделимое единство качественного и количественного аспектов их. Поэтому в рамках самой математики понятие количества не является абсолютным и безотносительно абстрактным, а выступает в определенных, свойственных данному уровню познания формах, которые при последующем исследовании раскрываются со стороны их «неколичественной» природы.

Можно сказать, что современная математика обнаруживает качественную неисчерпаемость самого понятия количества, но делает это в своеобразных формах — в формах органического (диалектического) единства качественной и количественной сторон рассматриваемых ею объектов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20.
2. Аристотель. Метафизика. М.—Л., 1937, 348 с.
3. Аскин Я. Ф. О соотношении философских категорий и понятий частных наук. — В сб. «Ленинская теория познания и современная наука». Саратов, 1970, С. 3—20.
4. Богомолов С. А. Актуальная бесконечность. М.—Л., 1934, 56 с.
5. Гегель. Соч., т. 1, М.—Л., 1929, 366 с.
6. Гегель. Соч., т. 5, М.—Л., 1929, 715 с.
7. Зак С. Е. Качественные изменения и структура. — «Вопросы философии», 1967, № 1, с. 50—58.
8. Кантор Г. Основы общего учения о многообразиях. — В сб. «Новые идеи в математике». СПб., 1914, № 6, с. 1—77.
9. Протопопов Ю. К. Диалектика конечного и бесконечного. в математической науке. — В сб. «Ленинская теория познания и современная наука». Саратов, 1970, с. 112—124.

10. Рузавин Г. И. Проблема бесконечности. — В сб. «Бесконечность и Вселенная», М., 1969, с. 78—92.
11. Свидерский В. И., Кармин А. С. Конечное и бесконечное, М., 1966. 318 с.

В. Ф. СУХИНА

МЕСТО МОДЕЛЬНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА В ФИЗИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Современная наука иногда настолько далеко уходит по пути абстрагирования и формализации своих положений, что становится необходимой операция, обратная абстракции и связанная не с отвлечением от известного круга явлений, а с поиском объектов, которые удовлетворяют принципам рассматриваемых теоретических систем. Решение этой задачи составляет одну из специфических особенностей интерпретации как средства научного познания. В то время как «абстракция рассматривается в единстве с формализацией, интерпретация может рассматриваться в единстве с конкретизацией» [5, с. 143].

Особое место в физической теории занимает интерпретация математических символов и функциональных связей между ними.

С другой стороны, за последние годы в связи с бурным развитием техники и методики проведения эксперимента, особенно в ядерной физике, возросли потоки информации, нуждающиеся в математической обработке. Успехи в области автоматизации эксперимента позволяют получать большое количество первичных материалов, однако их интерпретация, представляющая собой переход от внешних сторон физических процессов к их внутреннему содержанию, к сущности, весьма сложна и остается узким местом. Трудности интерпретации зависят от методов исследования и применяемой аппаратуры. Так, одни и те же вопросы в физике ядра (например, энергия ядра или время его жизни) могут изучаться разными методами:

- 1) при помощи неполяризованных пучков и мишеней;
- 2) с использованием установок, дающих поляризованные пучки.

Последний метод дает такие результаты, что их интерпретация и обработка упрощены, он способствует более однозначным выводам.

Итак, физическая интерпретация — это интерпретация не только формального математического аппарата теории, но также эмпирических данных и фактов, полученных из опыта, эксперимента.

По классификации В. А. Штоффа [10, с. 169], существуют два логически противоположных типа интерпретации, отражающие противоположно направленные процессы познания. Один тип, выражающий направленность познавательного процесса от

теории к действительности, представляет собой интерпретацию формальных знаковых логико-математических систем и уравнений математического естествознания. Другой тип, выражающий направленность познания от действительности к теории, заключается в интерпретации установленных научных фактов, данных наблюдений и экспериментов.

Первый тип интерпретации свойственный преимущественно теоретическим наукам, второй — экспериментальным. Однако, поскольку разделение на теоретические и экспериментальные науки относительно, относительным является и указанное различие. Так, физика представляет собой единство теории и эксперимента, существующих в ней на равных началах. Поэтому для физики характерны оба отмеченные выше типа интерпретации, каждый из которых имеет преимущество в той или иной области физической науки.

Мы считаем, что этот перечень типов интерпретации можно конкретизировать и дополнить. Так, первый тип включает в себя интерпретацию теории как в терминах содержательного языка, так и в терминах эксперимента. Кроме того, иногда возникает необходимость интерпретации снятых экспериментальных данных другими данными, ранее полученными иным методом.

Согласно Т. И. Ойзерману, главным с точки зрения гносеологии в интерпретации является «не выражение субъективного отношения мыслящего субъекта к определенным фактам, а исследовательский поиск связи наблюдаемых явлений друг с другом и с другими явлениями, существование которых признается или предполагается на основании имеющихся данных. В этом смысле можно сказать, что интерпретировать — значит связывать» [6, с. 125].

И в самом деле, первый тип интерпретации соотносит, связывает теорию с действительностью, второй — наоборот, действительность с теорией.

Интерпретация позволяет связывать между собою различные теории. Так, созданная в свое время химическая теория валентной связи атомов была затем интерпретирована квантовой теорией. Геометрия может быть интерпретирована на физике, арифметика — в пределах логики, которая, в свою очередь, интерпретируется на релейно-контактных схемах.

Физическая интерпретация математических уравнений и экспериментальных данных всегда выступает в качестве определенных этапов в процессе построения познавательного образа объекта как всей совокупности знаний, которые к нему относятся [9, с. 102]. Поэтому теоретическим основанием интерпретации является имеющееся в нашем распоряжении знание, которое мы в ходе интерпретации применяем к фактам, подлежащим изучению. Интерпретация зависит как от характера знаний (истинности), так и от их объема.

Классическим примером физической интерпретации является интерпретация квантовой механики. Если формализм этой теории был всеми признан, то вопросы интерпретации и обоснования стали предметом оживленных дискуссий.

В своих «Воспоминаниях» М. Борн пишет, что Шредингер считал необходимым «полностью отказаться от идеи частиц и квантовых скачков, и никогда не сомневался в правильности этого убеждения. Я, напротив, имел возможность каждодневно убеждаться в плодотворности концепции частиц... и был убежден, что частицы не могут быть просто упразднены. Следовало найти путь к объединению частиц и волн» [2, с. 160—161].

Может показаться, что вопрос «А что же происходит на самом деле?» не имеет практического значения для ученого. Позитивисты, например, считают, что вопрос о физической реальности, соответствующей абстрактным теоретическим построениям, лишен смысла; иными словами, не имеет смысла спрашивать, что стоит за явлениями, поскольку единственная реальность — ощущения, а все остальное — «конструкции» разума. Ученый часто действительно удовлетворяется эмпирической интерпретацией. Однако трудности в установлении содержательной истинности теории на практике мешают установить ее подлинное значение и тем самым задерживают развитие науки.

Волновое уравнение Шредингера соответствовало только одному, хотя и очень важному, волновому аспекту вопроса. Само понятие «волновой функции» тогда не было полностью ясным. Сначала Шредингер интерпретировал ее просто как некое новое поле, подобное максвелловскому. Затем последовала «статистическая интерпретация» Борна, теория преобразования Дирака, соотношение неопределенностей и т. д. Вскоре выяснилось, что различные формулировки квантовой механики — матричная теория, некоммутативная алгебра Дирака, дифференциальное уравнение Шредингера, по существу, эквивалентны друг другу. Интерпретация теории может быть неоднозначной, но она должна соответствовать той области объективной действительности, которая описывается данной теорией. Квантовая механика, например, в любой ее разновидности позволяет рассчитывать стационарные состояния атомов и соответствующее излучение, если не пренебрегать действием излучения на атомы.

Математический аппарат, следовательно, может опережать его физическую интерпретацию. Так, тензорный анализ и неевклидова геометрия — математический аппарат теории относительности — были созданы раньше. Готовую математическую форму Эйнштейн наполнил новым физическим содержанием.

Критический анализ данных научного эксперимента и основных положений существующей теории приводит к обобщениям, новым идеям и интерпретациям, к построению научных

гипотез. В этих условиях важную роль играют модели, которые призваны подтвердить или отвергнуть выдвинутые гипотезы¹.

Под **моделью**² мы здесь будем понимать систему (материальную или идеальную), которая используется в познавательном процессе для получения информации о другой изучаемой нами системе и находится с нею в отношении соответствия. Начнем рассмотрение с идеальных, мысленных моделей, имеющих в физике более широкое применение, чем модели материальные. В роли таких моделей могут выступать модели — представления, знаковые и теоретические модели.

Модели — представления могут быть построены преимущественно на основе чувственно-наглядных представлений. Таковы, например, представления о потоках жидкости, положенные в основу моделей, которые создаются в физике для исследования тепловых и электрических явлений. Однако говоря о моделях — представлениях, мы имеем в виду, что представление по своей природе двойственно: с одной стороны, оно завершает чувственное познание, а с другой, является формой перехода к логическому мышлению. Поэтому в основе таких моделей лежат, как правило, опосредованные образы, формируемые мышлением.

Знаковые модели — это модели, в которых элементы, отношения и свойства моделируемых явлений выражены при помощи определенных знаков, символов. К этому типу моделей относятся, например, изображения структуры электромагнитного поля с помощью системы силовых линий, а также графики, выражающие различные зависимости между физическими величинами или процессами, например, график, представляющий изотермический или адиабатический процесс с газом. Наконец, к знаковым моделям следует отнести логико-математические формулы и конструкции, описывающие исследуемые физические процессы. Из-за широкого распространения последнего вида моделей их целесообразно выделить отдельно и называть математическими моделями.

Теоретические модели существуют в сознании, воображении исследователя в виде некоторой системы суждений, теоретических построений, гипотез, которые позволяют относительно правильно описывать моделируемый объект и получать о нем новые знания. Заметим, что теоретические модели по своей природе могут относиться частично к знаковым моделям (математический аппарат теории, описывающий явления действительности) и частично к моделям — представлениям (физическая интерпретация теории).

¹ В некоторых случаях гипотезы сами выступают в роли моделей.

² Понятие модельного эксперимента неразрывно связано с понятием модели. Модели как средству интерпретации посвящена одна из глав книги В. А. Штоффа [10]. Об интерпретаторской функции моделей говорится в работе Б. А. Глинского и др. [3].

От создания модели переходят к ее исследованию, экспериментированию с нею. Чтобы было все ясно относительно используемых понятий, следует уточнить, что представляет собой модельный эксперимент¹. Согласно [7], под **модельным экспериментом** понимается специфический способ научного познания, заключающийся в экспериментировании либо над моделями изучаемых явлений для более глубокого познания их закономерностей в случае невозможности проведения с ними обычного эксперимента, либо над самими объектами исследования с помощью моделей (других объектов), которые влияют на поведение исследуемого явления. Поскольку «с моделью работают **теоретически и практически** (подчеркнуто нами. — В.С.), как будто она сама является объектом» [4, с. 1499], модельный эксперимент может быть как теоретическим, мысленным, так и практическим, материальным.

О каких экспериментах может идти речь по отношению к идеальным, мысленным моделям физики? Естественно, о мысленных экспериментах, которые (поскольку в их основе лежат модели — представления) могут быть названы модельными экспериментами. Известно, что мысленные эксперименты сыграли большую роль в возникновении новых теорий. Они в значительной степени способствовали открытию фундаментальных законов электродинамики, основ специальной и общей теории относительности, квантовой механики и др.

Эксперименты со знаковой математической моделью также относятся к виду теоретических экспериментов. Для реализации таких моделей пользуются электронно-вычислительными машинами. Вместо экспериментального оперирования с изучаемым объектом на основе его математической модели составляют программу поведения объекта и вводят ее в электронную машину. Эта программа является закодированной моделью изучаемого процесса. Исследование такой модели на машине дает возможность вносить изменения в саму модель с целью ее усовершенствования, а также способствует получению новой информации об оригинале, его поведении, функциональных связях и пр.

Подобные теоретические эксперименты (их еще называют «машинными») практикуются, например, при исследовании плазмы. В электронную машину вместе с уравнением плазмы вводят условия, упрощающие расчет (так, берется не ограниченная, а безграничная плазма, упрощаются условия прохождения через плазму пучка заряженных частиц). Машина рассчитывает распывание плазмы, ее температуру и др. Таким образом, реальный эксперимент в натуре можно заменить в подобных случаях экспериментом на его математической модели — модельным экспериментом.

¹ О понятии модельного эксперимента см. [10], а также [7; 8].

Интерпретация выходных результатов эксперимента заключается в определении параметров модели изучаемого явления по этим результатам. Естественно, увеличение числа искомых параметров в принципе позволяет надеяться на лучшее согласование результатов эксперимента и модели явления.

Модельный эксперимент, являясь в данном случае продолжением реального научного эксперимента, выступает связующим звеном последнего с теорией, способствует интерпретации экспериментальных данных в терминах существующей теории. Если новые данные не могут быть удовлетворительно объяснены в рамках имеющейся модели, то требуется ее соответствующая корректировка или замена новой.

В ходе практической реализации модельных представлений важно сравнить выводы, вытекающие из модели, с реальной действительностью, экспериментом, иначе возможен «отрыв фантазии от действительности». Используя модели, мы выясняем определенные результаты опыта. Сопоставляя полученные результаты с данными наблюдений и эксперимента, с одной стороны, проверяют правильность своих представлений, а с другой, глубже проникают в суть физических явлений процессов, закономерностей. Так, при исследовании плазмы сначала задают число заряженных частиц в ней и, исходя из ее теоретической модели, исследуют для заданного количества частиц состояние плазмы (температуру, степень ионизации и др.). Затем можно поставить реальный эксперимент — получить плазму с таким же количеством соответствующих частиц и исследовать ее новое состояние. Полученный результат сравнивается с теоретическим. При достаточно хорошем совпадении можно утверждать, что для данных частиц теория интерпретируется реальным экспериментом.

С помощью теоретического модельного экспериментирования, предшествующего реальному эксперименту, происходит также осмысление формального аппарата теории, определение области его применимости, то есть связь теории с действительностью.

В физике достаточно широко практикуется экспериментирование с материальными моделями. Это, например, эксперименты на действующих моделях, предшествующих созданию различных установок, которые предназначены для изучения термоядерных реакций. На таких моделях уточняются различные характеристики самой установки, построение которой в натуральную величину сопряжено со значительными техническими трудностями и материальными затратами. Эксперименты на модельных установках, способствуя расчету реальных установок, тем самым являясь необходимой предварительной ступенью физической интерпретации, создания теории исследуемых процессов. Поскольку современная физическая теория представляет собой как бы сочетание двух различных частей — формаль-

ного математического аппарата и его физической интерпретации, то говоря о месте модельного эксперимента в физической интерпретации, мы тем самым затрагиваем вопрос о его роли в формировании теории.

Не исключено, что наступит момент, когда какое-то следствие теории не будет подтверждено экспериментом или какой-нибудь новый факт не объяснится теорией. Тогда необходимо будет пересмотреть исходные посылки теории, изменить положения, которые раньше казались незыблемыми. Такой пересмотр приводит к новой теории, способной шире и глубже проникнуть в структуру изучаемых явлений. Однако всегда в процессе формирования теории «точка зрения жизни, практики должна быть первой и основной точкой зрения» [1, с. 145], критерием ее правильности. Модельный эксперимент дает лишь косвенное доказательство истинности выдвинутой гипотезы, поскольку выводы, знания, полученные относительно оригинала на основании изучения его модели, как правило, лишь вероятны.

В заключение заметим, что некоторые ученые считают интерпретацию по самой своей природе субъективной, так как мерилom в ней всегда выступает интерпретирующий субъект. Но согласиться с тем, что интерпретация субъективна — значит согласиться с тем, что теория, составной частью которой является интерпретация, не имеет объективного содержания. Однако «усиление роли субъекта, его теоретической активности вовсе не означает, что содержание научных теорий становится все более субъективным, зависящим от нас. Возрастающая роль абстрагирующей деятельности мышления дает возможность глубже вскрыть сущность объекта, понимать явления как конкретные проявления сущности, повышать степень объективности физической интерпретации» [9, с. 102].

Основным принципом объективности интерпретации изучаемых процессов является рассмотрение их в том виде, в каком они существуют вне и независимо от сознания. А это возможно только с позиций естествознания, органически связанного с диалектико-материалистической методологией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18.
2. Борн М. Воспоминания. УФН, 102, 1970 вып. 1, с. 152—166.
3. Глинский Б. А., Грязнов Б. С., Дынин Б. С., Никитин Е. П. Моделирование как метод научного исследования. М., 1965, 247 с.
4. Hörz H. Modell und Anschaulichkeit in der Physik. — „Deutsche Zeitschrift für Philosophie“, Berlin, 1971, Jg. 19, H. 12.
5. Логика научного исследования. М., «Наука», 1965, 353 с.
6. Ойзерман Т. И. Проблемы историко-философской науки. М., «Мысль», 1969, 398 с.
7. Сухина В. Ф. До питания про суть модельного эксперименту. — «Філософськй питання сучасного природознавства», 1973, № 32, с. 17—25.

8. Сухина В. Ф. Об особенностях модельного эксперимента в квантовой физике. — Проблемы диалектико-материалистического истолкования квантовой теории. «Наукова думка», 1972, с. 195—199.
9. Тополя М. В. Прилад і його роль в пізнанні фізичних явищ. Харків, 1971, 126 с.
10. Штофф В. А. Моделирование и философия. М.—Л., «Мысль», 1966, 298 с.

А. А. МАЛИЧ

О СООТНОШЕНИИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ И ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИЙ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ АНТАГОНИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Многообразные функции общественного сознания как на теоретическом, так и на обыденном уровне можно свести к трем специфическим — познавательной, идеологической и эмоционально-художественной. Если наука выполняет прежде всего познавательную функцию, обслуживая общество знаниями, искусство — эмоционально-эстетическую, то политика, право, мораль, религия осуществляют в первую очередь идеологическую функцию, способствуя закреплению или изменению общественных отношений.

Граница между идеологическими и неидеологическими явлениями общественного сознания подвижна и различна в разных общественных системах. Выполняет ли то или иное явление общественного сознания идеологическую функцию или нет, зависит от потребностей и интересов социальной системы, класса, который господствует в этой системе. Будучи функцией общественного сознания, идеология одновременно выступает и как его относительно самостоятельный структурный элемент.

Идеологическое регулирование социальных отношений может опираться на научное, донаучное и антинаучное понимание природных и социальных процессов или на их различные комбинации. Марксизм как ни одна другая общественная теория подчеркивает роль науки в регулировании социальных процессов¹.

Неотъемлемым моментом познания социальных отношений является их оценка с точки зрения потребностей и интересов²

¹ Маркс, рассматривая вопрос о личной ответственности политического лидера перед своим классом, перед обществом в целом, считал его первой и важнейшей обязанностью знание, подчеркивал не только нравственный, но и познавательный аспект его ответственности. Маркс ставил в вину лидерам французской буржуазии «то, что их мышление не противоречило непосредственному сознанию стоящего за ними класса», не возвышалось над ним, а принимало его предрассудки, его стихийные установки и притязания за выражение подлинного классового интереса. «Моральному осуждению подвергаются здесь не только лицемерие, трусость, малодушное предательство принципов, но также и ограниченность, теоретическая неразвитость... человек ответственен не только перед своими убеждениями, но и за свои убеждения, за само их содержание» [10, с. 23—25].

² Здесь и далее речь идет об интересах, направленных на сохранение или изменение данной формы общественных отношений, социального положения классов, групп, организаций.

классов, групп, организаций, личностей. Эти потребности и интересы могут как соответствовать, так и противоречить прогрессивной тенденции общественного развития. Установить степень этого соответствия или несоответствия не представляет труда с высоты последующих этапов социального развития, но когда противоречие между потребностями и интересами господствующего класса и остальных классов еще находится в зародышевом состоянии, налицо объективные предпосылки для заблуждения. Когда же на кладбище развеянных иллюзий уже нет места для могил, когда противоречие между интересами господствующего класса и интересами остальных классов уже осознано, господствующий класс сознательно выдает свои интересы за интересы общества в целом, истина приносится в жертву интересам [2, т. 3, с. 283—284, ср. 2, т. 3, с. 167 и 2, т. 1, с. 270]. Хотя в обоих случаях налицо искажение действительности, между искажением первого и второго рода существует принципиальное различие [2, т. 26, ч. II, с. 122, 125].

Идеологии угнетенных классов с их поисками справедливости в потустороннем мире, непониманием обусловленности классовой структуры и неравенства уровнем развития производства, с присущим им стремлением перескочить через необходимые этапы развития или повернуть движение истории вспять, с религиозно-идеалистическим пониманием природы и общества были и выражением интересов этих классов, и заблуждением.

Идеологии консервативных и реакционных классов ложны. Их ложность выражается в том, что своекорыстный, частный интерес класса, переставший быть общим, сознательно выдается за такой, что устаревшие формы регулирования общественных отношений выдаются за оптимальные, единственно возможные. Но даже подобные идеологии в той мере, в какой они включают в себя момент познания, обусловленный исторической ограниченностью общества в целом, тоже могут содержать в себе элементы «заблуждения в поисках истины» [6, с. 13], хотя, конечно, не эти элементы составляют сущность таких идеологий.

При наличии объективных предпосылок научного взгляда на мир идеологии классов, выражающих прогрессивные тенденции общественного развития, в той или иной мере имеют научный характер. Возникновение марксизма — идеологии рабочего класса означало и появление науки об обществе.

В свете сказанного очевидна несостоятельность попыток буржуазных социологов и ревизионистов свести идеологию лишь к ложному, извращенному сознанию¹. Эта концепция игнорирует как то, что заблуждения свойственны не только идеологии, но и науке, так и то, что идеологическую функцию выполняют не только ложные или ошибочные идеи, но и идеи

¹ «Основным критерием идеологии является ее отклонение от научной объективности», — заявляет Т. Парсонс [8, с. 115].

истинные. В основе абсолютного противопоставления науки и идеологии лежит тезис, будто теоретическое выражение любых интересов, независимо от того, консервативны они, реакционны или прогрессивны, ведет к искажению истины и будто возможно чистое познание общественных явлений, не связанное ни с какими интересами¹. Но интересы могут не только препятствовать научному познанию, но и стать мощным стимулом его осуществления. Истина может не только противоречить интересам, но и быть их выражением. В силу противоречивости общественной жизни в ней есть не только силы, заинтересованные в сокрытии истины, но рано или поздно появляются социальные силы, заинтересованные в ее раскрытии. В отличие от буржуазной социологии марксизм различает науку и идеологию не по признаку истинности — ложности, а по различию их социальных функций.

Поскольку идеологии присущ, хотя и не выражает ее специфики, познавательный момент, правильное понимание ее многогранной природы предполагает учет того, что не все неистинное в идеологии является результатом преднамеренного искажения, что итогом присущего ей познавательного процесса может быть заблуждение, обусловленное исторической ограниченностью общечеловеческой практики. Так, «миф не есть оболочка, в которую мудрец для пользы и назидания невежественной толпы прячет известную идею», «не сознательное и намеренное измышление отдельного лица, а продукт общего сознания целого народа или религиозного общества» [9, с. 463]. Это не учитывают те, кто исторически отрицает наличие познавательного момента у религии даже на ранних этапах ее развития. Признание наличия такого момента в религиозной идеологии ни в коей мере не означает отрицания ее ненаучности.

Стремление к разрыву познавательной и идеологической функций общественного сознания характерно для объективизма. Используя выражение Маркса, можно сказать, что объективизм — это «разложение и восстановление наличной эмпирии», это «некритический позитивизм» [1, с. 626], подменяющий мысленно-конкретное чувственно-конкретным², это отсутствие в той или иной степени историзма в исследовании.

Объективизму марксизм противопоставляет «партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы» [3, т. 1, с. 419; ср. с. 493]. Партийность, как ее понимает марксизм, — это не субъективистское манипулирование фактами, не

¹ Этот тезис не разделяли представители прогрессивной философской мысли прошлого, например, Гегель [5, т. III, с. 287, 330—332; т. VIII, с. 23; т. IX, с. 6] и сегодня не разделяют некоторые представители современной буржуазной социологии [8, с. 115—120].

² «Гегель заслуживает порицания не за то, что он изображает сущность современного государства так, как она есть, а за то, что он выдает то, что есть, за сущность государства» [2, т. 1, с. 291].

предвзятость, а такая идеологическая позиция, которая, благодаря совпадению с прогрессивной тенденцией общественного развития, позволяет максимально глубоко проникнуть в сущность исследуемого общественного явления, дает возможность в его актуальном состоянии отыскать потенциальное, в сегодняшнем увидеть завтрашнее, служит методологическим ориентиром в том, на каких именно фактах строить социальную теорию. Субъективной предпосылкой научности социальной теории является не «свобода от ценностей», а ориентация на «ценности» прогрессивных классов, групп.

Отвергая попытки отрыва познания от идеологии, классики марксизма вместе с тем выступают против игнорирования специфики познавательной и идеологической функций общественного сознания.

Из необходимости различения этих функций исходит В. И. Ленин в своей критике субъективистского отождествления истины с полезностью. Истина обладает ценностью, но не сводится к ней. Оценка является неотъемлемым моментом любой сферы человеческой деятельности и ее объектом может стать и сама истина. Но основания оценки последней бывают разные. Таким основанием может быть как степень ее адекватности объекту, степень ее конкретности (познавательная, научная ценность), так и характер отношения истины к потребностям и интересам субъекта оценки, ее полезность или вредность в плане сохранения или изменения существующих социальных отношений (идеологическая ценность) [2, т. 23, с. 17]. Истину нельзя отождествить с идеологической ценностью, ибо таковой могут быть и заблуждение, и ложь [3, т. 18, с. 124—125, 363]. Иллюзии, заблуждения, будучи выражением незрелости субъективных и объективных предпосылок общественных движений, не раз в истории классового общества играли и прогрессивную идеологическую роль¹. В то же время истинные взгляды, теории далеко не всегда становились идеологически мобилизующей массы силой. «Идея» неизменно посрамляла себя, как только она отделялась от «интереса» [2, т. 2, с. 89; ср. 2, т. 8, с. 208; 3, т. 1, с. 408, 436].

Разграничение научной и идеологической оценки социальных идей, взглядов содержит положение Энгельса: «Но что неверно в формально-экономическом смысле, может быть верно во всемирно-историческом смысле» [2, т. 21, с. 184], использованное В. И. Лениным при оценке народничества [3, т. 22, с. 120], а также замечание В. И. Ленина на книгу Плеханова «Чернышевский» [3, т. 29, с. 560].

¹ «В классически строгих преданиях Римской республики гладиаторы буржуазного общества нашли идеалы и художественные формы, иллюзии, необходимые им для того, чтобы скрыть от самих себя буржуазно-ограниченное содержание своей борьбы, чтобы удержать свое воодушевление на высоте великой исторической трагедии». «Прежние революции нуждались во всемирно-исторических воспоминаниях прошлого, чтобы обмануть себя насчет своего собственного содержания» [2, т. 8, с. 120, 122].

На существенные различия в методах разрешения научных и идеологических противоречий в рамках антагонистического общества указывал К. Маркс [2, т. 1, с. 3—27, 93—113]. Для него условием научного подхода к объекту является «та универсальная независимость мысли, которая относится ко всякой вещи так, как того требует сущность самой вещи», а «первая обязанность исследователя истины прямо стремиться к ней, не оглядываясь ни вправо, ни влево» [2, т. 2, с. 6—7]. В работах К. Маркса, начиная с самых ранних и кончая «Капиталом», понятию «научное исследование», подчеркивая его специфику, постоянно сопутствует эпитет «свободное». К. Маркс считает несовместимой «свободу научного исследования», за сторонников которой лицемерно выдавали себя невежественные, раболопные и продажные газетные писаки, с исходящими от них же призывами к запрету публичной критики христианской идеологии. Наука несовместима с призывами подобного рода¹. Приверженцы «серьезного» и «скромного исследования истины» [2, т. 1, с. 5], лицемерно выступающие от имени науки, игнорируют то, что в науке «в процессе борьбы с истиной заблуждение само себя разоблачает и нет надобности в применении силы для его подавления» [2, т. 1, с. 101].

Для науки не существует запретных объектов исследования и критики, в то время как в рамках функционировавших идеологий антагонистического общества организации, стоящие на их страже, в меру своих возможностей не допускали пересмотра и критики основных положений этих идеологий. Наука предполагает свободное столкновение взглядов [4, с. 88]. Она убеждает фактами, аргументами, логикой. «Сжечь — это не значит опровергнуть», — так ответил Бруно палачам, осудившим, но не опровергшим его учение. Наука не прибегает к помощи силы, хотя применение ограничений, насилия не всегда является свидетельством отсутствия научных аргументов. Оно может быть и результатом осознания несовместимости интересов.

Видя в науке одну из предпосылок революционного преобразования общества, классики марксизма вместе с тем были далеки от абсолютизации роли тех методов, которыми ограничивается наука при разрешении своих внутренних противоречий. Было бы наивно прибегать лишь к научным методам полемики там, где налицо расхождение коренных классовых интересов². Не принимая значения научной критики реакционной или кон-

¹ По этим соображениям Гегель не относил к науке, философии религиозную философию [5, т. IX, с. 74, 86, 88—89, 123].

² Противоборствующие идеологические системы отражают непримиримость классовых интересов. А там, где речь идет о расхождении коренных интересов, теоретические аргументы бессильны, сколь бы убедительными, бесспорными они ни были [3, т. 1, с. 368, 529]. Этим объясняется такая ленинская постановка вопроса: «Стоило ли по существу отвечать на этот поток... защищенной цензурой грязи, который они изволили именовать полемикой?» [3, т. 1, с. 279].

сервативной идеологий, материалистическое понимание истории исходит из того, что для их преодоления необходима прежде всего практическая критика, изменение условий жизни тех, кто разделяет подобные идеологические взгляды, изменение характера отношений между людьми. Именно с учетом различий познавательной и идеологической функций общественного сознания классики марксизма подвергали критике наивно-просветительские взгляды на пути преодоления религии [2, т. 1, с. 388, 415; ср. 5, т. IV, с. 291—293]. В антагонистическом обществе обнаружение несостоятельности идеи, теории вызывает различную социальную реакцию в зависимости от того, в какой степени они выполняют познавательную или идеологическую функцию. В первом случае оно не встречает сопротивления и становится основанием для уточнения, пересмотра старой теории или создания новой, более конкретной, во втором замалчивается или наталкивается на сопротивление, вызывает на арену борьбы против себя «фурий частного интереса». Раскрытие научной несостоятельности определенного идеологического положения обнажает то, что его приверженцы разделяли это положение не только потому, что не знали истины, но и потому, что в силу особых интересов не желали ее знать, в частности, из опасений, что выявление ложности того или иного положения может поставить под вопрос действительность всей идеологической системы, стабильность и единство социальной организации. Если для преодоления познавательного заблуждения, не затрагивающего чьих-либо интересов, достаточно лишь вескости, убедительности аргументов и на его (заблуждения) страже не стоит никакая социальная организация, то заблуждения (и тем более ложь), закрепленные интересами консервативных и реакционных классов, социальных групп, их организаций, ставшие составной частью их идеологии, не могут быть преодолены чисто теоретической критикой. Классы, группы, лица, сделавшие заблуждение выражением своих интересов, в той или иной форме продолжают отстаивать его право на существование, его претензию на истинность, несмотря на то, что несостоятельность этого заблуждения уже научно доказана. Но тем самым заблуждение перестает быть таковым, превращаясь в сознательно поддерживаемый и навязываемый обман или самообман. Таким образом, если отдельные положения реакционной идеологической системы в своих истоках, генезисе и могли иметь характер «заблуждения в поисках истины», то в процессе исторического развития они, будучи закреплены социальными интересами консервативных или реакционных сил, превращаются в обман или самообман. И чем больше интересы господствующих классов, групп вступают в противоречие с интересами остальных классов, тем больше власть имущие, «прихвостни власть имущих отравляют общественное мнение фи-

миагом лживого самохвальства» [2, т. 17, с. 278], стремясь приукрасить действительность, затушевать ее противоречия¹.

Конечно, господствующие классы, особенно если их власть основана не только на внеэкономическом принуждении, нуждаются, хотя и в различной мере, в достоверных знаниях, например, в знании соотношения классовых сил, общественных настроений. Но когда господствующий класс, его организации и идеологи становятся обладателями подобных знаний, последние не находят адекватного выражения в официальной идеологии. Это обстоятельство подчеркнул Маркс в его характеристике бюрократии, которой в целом присуще презрительное отношение к знанию. Особенности ее ценностной ориентации можно охарактеризовать словами Салтыкова-Щедрина: «Не нужно ни земледелия, ни промышленности, ни просвещения. Нужно, чтобы тихо было». Наряду с авторитетом Маркс считал важнейшим принципом бюрократии тайну, соблюдение которой «обеспечивается в ее собственной среде ее иерархической организацией, а по отношению к внешнему миру — ее замкнутым корпоративным характером» [2, т. I, с. 272]. Здесь «верхи полагаются на низшие круги во всем, что касается знания частных; низшие же круги доверяются верхам во всем, что касается понимания всеобщего, и таким образом, они взаимно вводят друг друга в заблуждение» [2, т. II, с. 271—272]. Обман, дезинформация осуществляются, таким образом, не только по отношению к остальному обществу, но и к различным социальным группам внутри самого господствующего класса.

Логика развития антагонистического общества приводит к тому, что идеология реакционных классов и групп превращается во «внешнее препятствие» [2, т. I, с. 379] на пути познания общественных и даже природных явлений², что единство познавательной и идеологической функций, свойственное социальным взглядам прогрессивных групп, классов, организаций, в идеологии реакционного класса распадается [2, т. 23, с. 14, 16]. Мысль о том, что реакционная идеология выступает как «внешнее препятствие» на пути «свободного научного исследования», неоднократно развивалась К. Марксом [2, т. 23, с. 10, 17; т. 26, ч. II, с. 122, 125] и Ф. Энгельсом [2, т. 20, с. 347, 508—509; т. 21, с. 294, 314, 316, 317].

¹ Типичным выражением подобных стремлений, ценностных установок может быть следующее заявление: «Прошедшее России было удивительно, ее настоящее более чем великолепно, что касается ее будущего, то оно выше всего, что может нарисовать самое смелое воображение; вот... точка зрения, с которой русская история должна быть рассматриваема и писана» [7, с. 35], сделанное шефом жандармов Бенкендорфом в связи с публикацией «Философических писем» Чаадаева.

² Характерное признание Канта: «Никто не заставит меня сказать противное тому, что я думаю, но я не решусь сказать все, что я думаю» [9, с. 651] достаточно красноречиво выражает этот факт.

Если идеологии реакционных, консервативных классов становятся средством духовного подавления, препятствуют научному познанию, то идеологии прогрессивных классов способствуют ему, организационно и морально поддерживают его, в той или иной степени совпадают с ним, на что намеренно закрывают глаза те, кто абсолютно противопоставляет любую идеологию науке. Там, где наука «не боится собственных выводов и не отступает перед столкновением с властями предержащими» [2, т. 1, с. 379], она может выйти из этого столкновения победителем лишь в том случае, если пользуется поддержкой организованных социальных сил.

Лишь различение познавательной и идеологической функций научно объясняет существование ложного сознания, намеренного искажения действительности. Целью познания не может быть намеренное искажение действительности. Последнее имеет место только в идеологии, но в идеологии не любой, а лишь консервативной и реакционной. При сведении всех функций общественного сознания к познанию, факт существования ложного сознания не может найти удовлетворительного объяснения.

Одним из оснований для дифференциации идеологии и науки является различный характер преемственности в каждой из них [5, т. VIII, с. 45—46]. Если в науке основанием преемственности служит истинность знания, то в идеологии им являются классовые, групповые интересы. Узость социальной базы господствующего класса или группы имеет своим неизбежным последствием нигилистическое отношение к предшествующей культуре, трагическим примером чего может быть «культурная революция» в Китае. Для классиков марксизма пролетарская революция — это отрицание, сохраняющее все богатство предшествующего развития.

Существование научной идеологии не может быть аргументом против правомерности вычленения таких научных абстракций, как наука и идеология, поскольку научность идеологии, имея объективные предпосылки, достигается все же не вопреки любым социальным интересам, не в результате абстрагирования исследователя от классовых, групповых интересов, а как раз вследствие выражения интересов, совпадающих с прогрессивной тенденцией общественного развития. От того, что интерес и истина в научной идеологии совпадают, последняя не перестает быть ни выражением социальных интересов, т. е. идеологией, ни наукой. Абстракции «наука» и «идеология» позволяют понять сущность общественного сознания «глубже, вернее, полнее» [2, т. 29, с. 152]. Это «разумные» абстракции [2, т. 12, с. 711].

«Истина всегда останется великим словом, заставляющим биться сердце сильнее» [5, т. IX, с. 21], полагал Гегель. Однако уже современник Гегеля Шопенгауэр предпринял попытку развенчать истину, науку. Специфику человека он увидел... в спо-

способности лгать. «В мире есть только одно существо, которое лжет — это человек», а лжет он для того, чтобы «расширить власть своей воли над другими людьми» [12, с. 277]. Если пафосом прогрессивных философских систем прошлого было теоретическое обоснование возможности науки, то с середины XIX в. общественную значимость приобретают течения, смотрящие на истину глазами евангельского Пилата, который «на слова Христа: «Я пришел в мир, чтобы возвестить истину», ответил: «Что есть истина?» Это было сказано высокомерно-пренебрежительно и означало: «Это понятие, понятие истины, есть нечто устарелое, с чем мы покончили» [5, т. IX, с. 21]. Когда Ницше сводит науку к системе полезных фальсификаций и на вопрос «Чем доказывается истина?» отвечает: «Чувством повышенной власти»¹, когда Авенариус определяет истину как переживание, приносящее человеку чувство удовлетворения, когда Пуанкаре говорит, что истина — это конвенция, а прагматизм объявляет, что истинно то, что полезно, удобно, выгодно, — то это ничто иное, как стирание всех различий между наукой и реакционной идеологией, это низведение науки до уровня не скрывающей своего субъективизма реакционной идеологии. Здесь в философский плащ драпируется оправдание произвола и реакции, возведение лжи в ранг истины.

В условиях растущего социального престижа науки грубо прямолинейные попытки дискредитации ее сложившегося авторитета в стиле Ницше не всегда и не везде могут рассчитывать на благоприятный общественный резонанс. Поэтому характер массового, будничного, прозаического явления приобретает такого рода практика, когда не оспариваемая открыто или даже признаваемая возможность достижения истины, возможность и ценность науки сочетаются с беззастенчивой фальсификацией, с произвольным, субъективистским манипулированием фактами, исходя из соображений их полезности или вредности (3, т. 20, с. 350—351). Для субъективиста история ничего, кроме политики, опрокинутой в прошлое, не представляет. Для него существенно не то, истинно или ложно определенное положение, а то, полезно оно или вредно, выгодно или невыгодно (2, т. 23, с. 17).

Будучи единством науки и идеологии, марксизм с самого момента своего возникновения неустанно борется с подобным субъективистским извращением их отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. и Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956.
2. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, 2, 3, 8, 12, 16, 17, 20, 21, 23, 26, ч. II.
3. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, 18, 29, 30.

¹ Для Ницше ложь господ — это истина, а истина рабов — это ложь, власть и истина тождественны [11, с. 42].

4. Брежнев Л. И. Ленинским курсом. т. 1, М., ИПЛ, 1970, с. 66—100.
5. Гегель. Соч., т. III, IV, VIII, IX.
6. Келле В. Ж., Ковальзон М. Я. Формы общественного сознания. М., ИПЛ, 1959, 261 с.
7. Лебедев А. Чаадаев. М., 1965, 263 с.
8. Москвичев Л. Н. Теория «дендеологизация»: иллюзии и действительность. «Мысль», 1971, 237 с.
9. Плеханов Г. В. Избранные философские произведения, т. 1, М., 1956, 825 с.
10. Соловьев Э. Ю. Личность и ситуация в социально-политическом анализе К. Маркса. — «Вопросы философии», 1968, № 5, с. 15—29.
11. Шварц Т. От Шопенгауэра к Хейдеггеру. «Прогресс», 1964, 357 с.
12. Zivkovic Ljb. Teorija socialnog odražavanja. Zagreb. 1961, 411 с.

В. С. БАКИРОВ

МОРАЛЬ И ПРАВО КАК ИНСТИТУТЫ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ

В последнее время в нашей социологической литературе заметно возрос интерес к понятию «социальный контроль» [см., например, 4, с. 82; 5, с. 57—58; 6; 7; 11, с. 101—109; 12, с. 155 и др.]. Это обусловлено потребностями управления, необходимостью дальнейшего развития практики контроля и регулирования социальных процессов в условиях развитого социалистического общества, а также совершенствования социального прогнозирования, проектирования, корректирования социальной динамики.

Проблемы социального контроля, теоретическое и практическое значение которых трудно переоценить, давно привлекают внимание и буржуазных социологов. Со времен Е. А. Росса, первым использовавшего термин «социальный контроль» для обозначения специальной области социологического исследования [18], проблемам социального контроля была посвящена обширная социологическая и социально-психологическая литература¹, в которой эти проблемы рассматриваются в абстрактно-формальном плане, часто сугубо психологически, а само их исследование подчинено практике «манипулирования» личностью с помощью самых разнообразных средств. Иллюстрацией значения, которое придается в американской социологии социальному контролю, могут служить такие слова Р. Парка: «Все социальные проблемы оказываются в конечном счете проблемами социального контроля» [14, с. 209].

В англо-американской социологической литературе под социальным контролем обычно понимают ограничение или определенную организацию человеческих импульсов посредством некоторой системы нравов, обычаев, традиций, законов, коллективных представлений, культуры, субкультур, наложения имперсональных безличных шаблонов на индивидуальное поведение.

¹ Назовем лишь наиболее интересные работы [13—18].

Характерной тенденцией интерпретации социального контроля буржуазной социологией является стремление представить решающим фактором мотивирования социальной деятельности совокупность психологических реакций со стороны окружающих индивида людей, оценку поступка или его предвидимых последствий применительно к комплексу этих реакций как к существующему образцу. Указывая на мораль, право, религию как на средства социального контроля, буржуазные социологи делают акцент на его социально-психологических предпосылках, определяя, как правило, зависимость индивидуального поведения от нормативной системы ценностей через сумму обезличенных субъективных психологических реакций¹.

В числе главных элементов социального контроля в буржуазной социологии называются мораль и право². Однако механизм их действия определяется только как социально-психологический. Например, наказание, следующее за нарушением нормы права, рассматривается как «ритуальное выражение чувств, которые поддерживают институционализированные ценности, нарушенные преступником [15, с. 253], оно служит лишь выражением того, что отклонение от принятых в обществе правил не одобряется. Проблема моральности поведения ограничивается проблемой эмоционального одобрения или неодобрения действий индивида со стороны непосредственно окружающих его людей. Сами же нормы, отклонение от которых устраняется механизмами социального контроля, выступают как представления о должном, складывающиеся у самих субъектов деятельности [см. 13, с. 118], но не как функционально необходимый элемент в системе социальных связей, не как общие правила поведения, санкционированные обществом, классом, государством и выражающие волю последних.

Социальный контроль в понимании буржуазных социологов — это всевозможные механизмы, «выравнивающие» отклоняющееся поведение индивида и приводящие его в соответствие с нормами первичной группы. По мнению Р. Т. Лапьера, автора работы «Теория социального контроля» [13], социальный контроль — это «сила, заставляющая индивида, отклоняющегося в своем поведении от норм группы, привести поведение в соответствие с этими нормами» [13, с. 56]. Такой «силой» являются самые разнообразные средства: символический контекст статусной группы, реифицирован-

¹ «Каждый человек — агент социального контроля. Реагируя на жесты других людей так, как ожидает его группа, каждый человек вносит свой вклад в укрепление ее структуры», — пишет Т. Шибутани [10, с. 141].

² Так, Р. Паунд определяет социальный контроль как «давление, оказываемое на каждого человека со стороны окружающих его людей, для того, чтобы заставить его выполнять свои обязанности в цивилизованном обществе, а также удерживать его от антиобщественного поведения, т. е. поведения, расходящегося с постулатами общественного порядка. Главными факторами социального контроля являются мораль, религия и право» [17, с. 18].

ные мифы, легенды, слухи, идеология, дискретные убеждения, жаргон, запутывание и поощрение, выступающие в качестве психологических санкций как отрицательных, так и положительных и влияющие на поведение индивида благодаря его стремлению сохранить свой статус в группе и продолжать пользоваться статусными правами. Огромную роль в осуществлении психологических санкций Лапьер отводит символическим средствам. Отклонение, превышающее допустимую норму, оказывается в «потоке вербальных и жестикулярных символов, выражающих самую различную степень неодобрения» [13, с. 239]. Социальный контроль, таким образом, сводится только к социально-психологическим механизмам, имеющим чисто групповую природу и функционирующим независимо (или зависящим очень слабо) от экономических, социальных, политических, духовно-идеологических процессов в их структурном единстве.

Критика концепций социального контроля в современной буржуазной социологии, как справедливо отмечает Л. П. Бучева, не должна означать «отрицания того достаточно очевидного факта, что общество обладает и сознательно разрабатывает системы, с помощью которых осуществляется управление социальной деятельностью и поведением людей. Проблема заключается в том, каково само общество, его экономическая и социально-политическая структура, какова его идеология, его нравы и обычаи» [3, с. 27].

Социальный контроль — сложная и важная общественная функция, одно из основных условий жизнедеятельности социального организма. В марксистской литературе под ним понимаются специфические процессы в социальной системе, обеспечивающие ее устойчивость и **управление** входящими в нее людьми, группами, институтами [см. 9, с. 83—84]. Являясь одним из факторов, обеспечивающих эффективность управления, целостность, функционирование и развитие общества, социальный контроль как сложная система нормативных и ненормативных факторов регулирует поведение людей и групп, программирует и направляет это поведение в соответствии с целями и задачами общества. Социальный контроль — фактор интеграции общества в целом, включающий функционирование целого ряда строго формальных институтов с вполне определенной классовой и социально-политической обусловленностью.

Одно из основных мест в социальном контроле занимают мораль и право. Важнейшим условием научного определения роли последних в системе социального контроля является выяснение их экономической, политической, классовой, идеологической обусловленности. Социальный контроль как необходимый момент управления тесно связан со всей системой общественных отношений, зависит от их социально-экономической природы, имеет конкретно-исторический характер. Буржуазные социо-

логи (например, такой теоретик социального действия, как Т. Парсонс) игнорируют в своих концепциях социального контроля его конкретно-исторический характер, рассматривают его только как «функциональную проблему сведения до минимума потенциально разрушительного поведения, стоящую перед социальной системой... мотивационную систему порядка» [15, с. 30]. Тем не менее система и структура социального контроля детерминируются конкретной системой и структурой социальных отношений в целом, определяющей, в конечном счете, его эффективность. При таком подходе становится очевидной связь между кризисом социальной системы и неспособностью механизма социального контроля противостоять дезинтеграции, зловещими симптомами которой в капиталистическом мире выступают небывалый рост преступности, наркомании, экспрессивные движения (хиппи и т. п.).

В антагонистическом обществе средства социального контроля, в том числе право и мораль, активно используются в своих интересах классами, господствующими в экономике и политике. Определенные моменты морали и права, выработанные в процессе совместной жизни людей на протяжении тысячелетий и имеющие общечеловеческую ценность, в значительной мере опосредованы их прямым назначением в классовом обществе — охранять и закреплять интересы господствующих классов. В этом сущность морали и права, которую не видят или не хотят видеть буржуазные идеологи. Один из первых исследователей социального контроля Р. Парк, например, утверждает, что «право, подобно общественному мнению, обязано своим рациональным и секулярным характером тому, что оно, вырастает из попытки примирения конфликтов, дать общую интерпретацию дискуссионным вопросам» [14, с. 222]. Если Парк, трактуя право, как надклассовый механизм примирения конфликтов, исходит еще из его общесоциального значения, то Р. Т. Лапьер, в соответствии с основной идеей своей книги¹, считает, что поведением членов общества управляет право статусной группы — ее нормы, выступающие как комплекс чувств, вкусов, ценностей, а не четко установленных правил [см. 13, с. 118—119]. Нормы статусной группы, утверждает он, не что иное, как «абстракции, выведенные из реального поведения

¹ В трактовке социального контроля Р. Лапьер исходит из утверждения, что этот контроль осуществляется главным образом со стороны статусной группы (первичной группы, наделяющей своих членов специфическим статусом), которая может увеличить или уменьшить статусные права [13, с. 88]. «Группа из десяти осуществляет в 10 раз более действенный контроль за поведением индивида, чем это может сделать группа из ста, в 100 раз более действенный контроль, чем группа из тысячи и в 1000 раз более действенный контроль, чем группа из десяти тысяч. Так, небольшой ганг соседних мальчишек значительно более важен для его члена, чем все люди, проживающие по соседству, чем город, представляемый учителями, полицией, благотворительными учреждениями» [13, с. 101].

членов группы; они не имеют существования вне человеческих существ, осуществляющих свое поведение нормативным путем» [13, с. 160]. Правовая система общества, ее нормы, установленные и санкционированные государством, по Лапьеру, влияют на поведение индивида косвенно, ибо, пишет он, «большой универсум», его ценности, принципы поведения, идеология только «проникают» в индивид, выступают для члена статусной группы «рабочими дефинициями» [см. 13, с. 257]. Идеологическая направленность подобных концепций достаточно очевидна и в комментариях не нуждается.

Соответственно социально-психологической трактовке социального контроля Р. Лапьер определяет и мораль как меру способности группы обеспечивать посредством социального контроля конформность ее членов нормам группы, меру связи, существующей внутри группы, «клея», удерживающего членов группы вместе [см. 13, с. 185].

В действительности же генезис, природа и характер актуального функционирования морали и права в классовом обществе совершенно иные. Право выступает здесь мощным и послушным инструментом классового господства, с помощью которого господствующий класс охраняет свои интересы, придавая своей воле всеобщий обязательный характер. Привычки и традиции используются господствующим классом, наполняются классовым содержанием, возводятся в государственный закон и охраняются силой власти. Под влиянием политики приобретает классовый характер и мораль, являющаяся орудием классового господства и классовой борьбы.

Наряду с выяснением экономической, классовой обусловленности, исследование функций морали и права в системе социального контроля нуждается в системном подходе, который позволяет выяснить специфику их структурных и функциональных связей в сложной динамике единого социального организма, отвлекаясь в известной мере от конкретно-исторического субстрата общественной системы. Будучи в основном определены материальными отношениями, правовая и нравственная системы не являются простыми аналогами экономики. Идеологическая сфера социального бытия, определяясь, в конечном счете, закономерностями развития материальных общественных отношений, имеет свои специфические законы изменения и функционирования, относительная самостоятельность и специфика которых усиливаются в каждой идеологической форме, связь которых с материальным бытием имеет сложный диалектический характер. Системный подход применительно к морали и праву требует изучения структуры права и нравственности, их функций, тенденций и перспектив развития в соотношении с господствующими экономическими отношениями и друг с другом. Право и мораль в качестве регуляторов общественных отношений выступают чаще всего вместе, функционируя в аналогичных пла-

нах, поскольку общее их социальное назначение заключается во взаимосвязанном регулировании общественных отношений. Они выступают одним из главных организующих функциональных звеньев общества, которые обеспечивают функционирование и развитие его элементов и подсистем как частей целого организма.

В юридической и социологической литературе регулирование социалистических общественных отношений определяется как упорядочение данных отношений, введение их в определенные рамки, придание им устойчивости, дальнейшее развитие в соответствии с задачами коммунистического строительства [см. 1, с. 55; 8, с. 92; 12, с. 14, 103]. Механизм правового и нравственного регулирования чрезвычайно сложен и осуществляется посредством целого ряда функций правовой и нравственной систем. В их число входят и социально-контролирующие функции морали и права. Они подчиняют поведение членов общества основным интересам последнего, выраженным в нормах морали и права, что придает общественным отношениям устойчивость и определенность, упорядочивает их в соответствующем отношении [см. 12, с. 128]. Социальный контроль, включающий в число своих важнейших инструментов мораль и право, выступает первым звеном в ряду социальный контроль — регулирование общественных отношений — управление, является как бы исходным условием придания общественным отношениям организованности и устойчивости. Эти три взаимосвязанные важнейшие переменные и определяют, на наш взгляд, стабильное и нормальное функционирование общественных отношений, целенаправленное воздействие на социальную динамику. Механизм регулирования является частью механизма управления общественными процессами, соответствует его общим принципам, включая в себя на тех же условиях механизм социального контроля.

Главной задачей социального контроля является отражение в структуре индивидуального и группового поведения структуры предписываемых обществом (соответствующих его интересам) образцов деятельности — социальных требований, наиболее полно и эксплицитно выраженных в нормах и принципах морали и права, которые реализуются в форме правовых и моральных отношений. Право и мораль, функционируя в этом плане, многогранно воздействуют на сознание и волю людей, контролируют тем самым их поведение. При самом общем подходе функции морали и права в системе социального контроля можно свести к следующим: 1) организующая функция, выражающаяся в задаче конструирования общих принципов и образцов ориентировки в социальной среде, формирующая общие тенденции социального поведения. В данном случае морально-правовые нормы, идеи, отношения органически входят в культуру общества, образуют устойчивый каркас социальных связей

и отношений; 2) социализирующая функция, подготавливающая индивидов к деятельности, соответствующей интересам общества, формирующая структуру личности со стороны ее прав и обязанностей, социальных функций, ролей, наполняющая биопсихические характеристики человека социальным содержанием; 3) контролирующая функция, осуществляющая управление индивидуальным поведением в конкретных социальных ситуациях, устраняющая отклонения этого поведения от заданной программы.

* *

*

Повышение роли организации в развитом социалистическом обществе обусловлено возрастанием сложности социального организма, его прогрессирующей дифференциацией и интеграцией. Усложнение экономической жизни, дальнейшее развитие социальных отношений требуют совершенствования систем морали и права как средств социального контроля. Эта проблема представляет большой теоретический и практический интерес, нуждается в дальнейшем философско-социологическом осмыслении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе. М., «Юридическая литература», 1971, 22 с.
2. Афанасьев В. Г. Научное управление обществом. М., «Мысль», 1968, 384 с.
3. Буюева Л. П. Общественное управление социальной деятельностью и формирование личности. — «Советская педагогика», 1970, № 6, с. 20—31.
4. Кон И. С. Социология личности. М., 1967, 383 с.
5. Левада Ю. А. Сознание и управление в общественных процессах. — «Вопросы философии», 1966, № 5 с. 62—73.
6. Попова И. М. Теории социального контроля в американской социологии. — «Вопросы философии», 1965, № 6, с. 104—112.
7. Соколов Э. В. Культура и личность. Л., «Наука», 1972, 227 с.
8. Управление, социология, право. «Юридическая литература», М., 1971, 270 с.
9. Социальный контроль. — «Философская энциклопедия», т. 5, М., 1970, с. 83—84.
10. Шибутани Т. Социальная психология. М., «Прогресс», 1969, 535 с.
11. Щепанский Я. Элементарные понятия социологии. М., «Прогресс», 1969, 238 с.
12. Якуба Е. А. Право и нравственность как регуляторы общественных отношений при социализме. Изд-во Харьковск. ун-та, 1970, 207 с.
13. Lapiere R. T. Theory of Social Control. New York, 1954, xi, 568 p.
14. Park R. E. On Social Control and Collective Behavior. The University of Chicago Press, 1967, xLvi, 274 p.
15. Parsons T. The Social System. Glencoe, The Free Press, 1951, 575 p.
16. Parsons T. The Law and Social Control. — „Law and Sociology“, The Free Press of Glencoe. N. Y., 1967, p. 56—72.
17. Pound R. Social Control through Law. Yale University Press, New Haven, 1942, 138 p.
18. Ross E. A. Social Control. Macmillan, New York, 1901, 565 p.